

Отрицание в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах

В статье¹ рассматриваются основные стратегии отрицания в грамматических системах двух уральских языков Западной Сибири — восточных диалектах хантыйского и южных диалектах селькупского². Относясь к обско-угорской ветви финно-угорской подсемьи и южносамодийской ветви самодийской подсемьи соответственно, данные языки находятся в отдаленном генетическом родстве. С другой стороны, описываемые системы характеризуются продолжительным лингвокультурным контактом, при котором носители этих идиомов сопредельно и смешанно населяют территорию в среднем течении Оби и ряда ее притоков в пределах Томской области, в особенности в Парабельском и Каргасокском районах (Рис. 1). Кроме того, эти системы объединяет то, что они относятся к наименее описанным и наиболее угрожаемым, насчитывая на данный момент не более десяти полноценных носителей в каждом случае (васюганский и александровский диалекты хантыйского языка, южные диалекты селькупского).

Анализ стратегий отрицания в рассматриваемых системах основан на источниковой базе, состоящей из результатов собственных полевых изысканий и архивных материалов 1960—1990 гг. в виде естественных нарративов максимально доступного жанрового и стилистического разнообразия, а также в виде данных, полученных при ситуативных и эквивалентных (переводных) опросах.

К основным целям данной части исследования относится синхронное описание морфосинтаксических, просодических, семантических, прагматических и социолингвистических характеристик отрицания на базе имеющегося корпуса данных с современных теоретических и методологических позиций. В ходе следующего этапа исследовательской программы предлагаемые дескриптивные данные в их локальной и типологической перспективе будут детально проанализированы в ареальном (обско-енисейском) и генетическом (уральском) контексте.

Рис. 1. Западная Сибирь: восточнохантыйский и южноселькупский ареалы.

1. Краткие сведения о языковых системах

1.1. Восточные диалекты хантыйского языка

Хантыйский язык относится к обско-угорской ветви финно-угорских языков и насчитывает около 7000 носителей (примерно из 28000 этнических ханты), неравномерно распределенных между двумя диалектными массивами — западным (северным) и восточным [Терешкин 1961; Décsy 1965; Gulya 1966; Honti 1984; Nikolaeva 1999; Filchenko 2007]. При этом каждый из массивов состоит из 6—10 диалектов, характеризующихся разной степенью вариативности, документированности и сохранности.

¹ Автор выражает благодарность рецензентам и редакционной коллегии за высказанные замечания.

² Работа над данной публикацией проводилась при поддержке гранта РФФИ №11-06-00371.

Среди восточных диалектов таежных охотников-рыболовов данное обсуждение будет касаться говоров, распространенных на Васюгане и Оби в Кargasокском и Александровском районах Томской области. Таким образом, при описании исчезающих васюганского и александровского диалектов (на основе полевых материалов и ограниченных архивных данных) речь, по сути, идет о наборе *идиолектов* крайне небольшого числа носителей.

Следует отметить, что несмотря на то, что в источниках по уральскому языкознанию хантыйский часто упоминается как единый язык, в реальности ареал его распространения характеризуется значительной вариативностью, и даже внутри массива восточных диалектов степень взаимного понимания между носителями местных вариантов может быть низкой — вплоть до непризнания языка «понятным» или «похожим». Каждый из этих вариантов имеет перечень фонологических, лексических и грамматических отличительных особенностей (параллельно с рядом отличий культурного плана) от других вариантов внутри соответствующей группы. Степень и диапазон *внутриязыковых* и *внутридиалектных* отличий сравним с *межъязыковыми* и *междиалектными* отличиями. В связи с этим представляет интерес эмпирическая картина континуума языковых микросообществ, где рост языковой (и культурной) вариативности в целом пропорционален росту дистанции между микросообществами.

С точки зрения системных черт рассматриваемых восточных диалектов отмечается вариативность на всех уровнях организации системы [Фильченко 2011a]. Наиболее очевидные дифференцирующие системные черты могут быть суммированы следующим образом.

Таблица 1

Хантыйский язык: лингвогеографическая вариативность

диалекты	западные (<i>xanti</i>)	восточные (<i>qantəy</i>)
экосистемы	тундра-тайга	тайга-болота
системные черты: фонология	отличный инвентарь согласных и гласных фонем	
	+ долгота гласных – гармония гласных	– долгота гласных + гармония гласных
системные черты: лексика	вариации словарного состава (список Сводеша, Swadesh list-100 и -200)	
	вариации словообразовательных концепций (числительные) 18 <i>nijel-xus</i> '8 к 20'	18 <i>jöy-ərki`niləy</i> '8 больше 10'
системные черты: морфология	3 падежа	10—12 падежей
	3 времени	5 времен
	этимологически не связанные морфологические показатели	
	инвентарь и дистрибутивные свойства послелогов	
	инвентарь и дистрибутивные свойства номинализаторов	
системные черты: синтаксис	(NOM-ACC) активно-пассивные конструкции	(NOM-ACC) активно-пассивные эргативные конструкции

Среди причин или сценариев развития этих диалектных отличий могут быть следующие: история расселения (западные территории — V—VII вв.; восточные территории — X—XII вв.), изоляция групп / независимое развитие, языковой контакт / взаимодействие с соседними родственными и неродственными группами. По общепризнанному мнению, разделение хантыйского языка на западные и восточные диалекты является достаточно древним и может объясняться участием в генезисе обских угров нескольких компонентов — контактных культур, как собственно уральских, так и представителей других языковых семей [Напольских 1997: 77].

1.2. Южные диалекты селькупского языка

Селькупский язык является единственным «живым» представителем южносамодийской ветви самодийской подсемьи, он распространен в междуречье Оби и Енисея в Тюменской и Томской областях, а также на северо-востоке Красноярского края. Примерно из 4000 этнических селькупов около 1200³ яв-

³ Как и в случае восточнохантыйских диалектов, южноселькупские находятся в крайней степени угрозы исчезновения, насчитывая официально 50 [Перепись 2010], но фактически не более 5 носителей, представляющих в ос-

ляются южными селькупками, которые проживают в Томской области и в лингвистическом плане относятся к южным и центральным диалектам селькупского языка [Перепись 2010].

Диалектология селькупского языка является предметом дискуссий [Деннинг 1981; Хелимский 1988], однако бесспорным остается факт значительной лингвогеографической вариативности с основополагающей дифференциацией на северный и южный (южно-центральный) диалектные массивы, которые состоят из четырех (северные: среднетазовский, верхнетазовский, ларьякский, баишенский) и семи (южные: среднеобский, чаинский, кетский, чулымский; центральные: тымский, васюганский, нарымский) диалектов соответственно. По параллельно существующей этнонимической классификации носители северных диалектов называются собственно «селькупками», носители центральных диалектов — «чумьлькупками», а носители южных — «шёшкупками» или «сюсюкумами»; наличествуют и более подробные местные этнонимы [Беккер и др. 1995; Байдак и др. 2010].

В ходе дальнейшего обсуждения под южноселькупскими диалектами будут подразумеваться находящиеся на грани исчезновения варианты селькупского языка (менее пяти носителей), распространенные на территории севера Томской области, прежде всего среднеобский, нарымский и васюганский диалекты, т. е. непосредственно сопредельные восточнохантыйским диалектам.

Селькупская вариативность (северные и южные диалекты) достаточно радикальна (подобно ситуации в хантыйском языке): она соотносится с географической удаленностью и экологическими различиями, пронизывает все уровни организации системы и препятствует взаимному пониманию между носителями удаленных вариантов [Hajdú 1968, 1970; ОчСЯ 1980; Helimski 1998].

В отношении интересующих нас диалектов имеется ряд дескриптивных работ, прежде всего томской лингвистической школы, включая грамматические очерки, словари и аналитические статьи по отдельным аспектам фонологии и морфосинтаксиса [Кузьмина 1974; Беккер и др. 1995; Быконя 2005].

Контактное взаимодействие было наиболее интенсивным между южными селькупками и восточными ханты, а также регулярно мигрировавшими по региону Васюгана и средней Оби эвенками [Шатилов 1927; Селькупы 1956; Дульзон 1960; Надь 2005, 2011]. Хотя базовая лексика южноселькупских и восточнохантыйских диалектов, несомненно, имеет протосамодийское и протоугорское происхождение соответственно [Hajdú 1968, 1970; ОчСЯ 1980], существуют свидетельства взаимонаправленных контактных инноваций в обеих системах, а также тюркского и тунгусо-маньчжурского влияния на обе системы. С 1930-х гг. и в радикальной степени — с 1960-х гг. на обеих системах сказывается контактное ассимилятивное влияние со стороны русского языка. В билингвальной (на 100%) среде ситуация переключения и смешения кодов последовательно уступает место ситуации языкового сдвига — с возрастающим количеством лексических заимствований и замещений исконной лексики русской, с отсутствующей фонетической ассимиляцией языком-реципиентом, а также с растущим влиянием русского в области морфосинтаксиса, включая область отрицания.

1.3. Ключевые аспекты грамматической структуры

Типичной структурой простого предложения как для хантыйского, так и для селькупского языка является порядок следования аргументов SV — для непереходного и AOV — для переходного предиката⁴. Основными средствами кодирования грамматических отношений в обеих системах являются следующие: относительный порядок слов в клаузе, падежные показатели, облигаторное кросс-референсное маркирование аргументов на глагольном предикате — субъектное и объектное спряжения глагола [Терешкин 1961; ОчСЯ 1980; Беккер и др. 1995; Filchenko 2007]. На уровне клаузы обе системы относятся к вершинно маркирующим и так называемым “pro-drop” (с имплицитным субъектом). Позиция объекта переходного действия (O) типично фиксирована (AOV), но может приобретать известную синтаксическую свободу с изменением прагматического статуса соответствующего референта и при кросс-референсном глагольном маркировании объекта (в традиционной терминологии — объектном спряжении [Терешкин 1961]).

новном один диалект. Таким образом, статистические сведения по этнической самоидентификации не отражают степени сохранности языка.

⁴ Здесь и далее, следуя [Dixon 1994], основные грамматические отношения обозначаются как S — субъект непереходного действия, A — субъект переходного действия, O — объект переходного действия. Следует отметить, что данная маркировка грамматических отношений дифференцируется от маркировки семантических ролей: агенса, пациенса и т. д. [Van Valin, LaPolla 1997].

(1а) хант., вост., вас.

mä ruʒo`l-a tən-`s-əm
1SG деревня-ILL идти-PST2-1SG

‘Я пошел в деревню’⁵ [Filchenko 2007: 354].

(1б) хант., вост., вас.

mä `wajaʒ wel-`s-im
1SG зверь добыть-PST2-1SG/SG

‘Я добыл зверя’ [Filchenko 2007: 270].

Аргумент S / A типично демонстрирует надлежащие грамматические и семантические свойства субъекта, такие как контроль референциальных отношений внутри клаузы и между клаузами (контроль моно-субъектных подчиненных инфинитных оборотов, контроль нулевой анафоры между сопредельными клаузами, контроль рефлексивизации, контроль движения количественных местоимений) [Filchenko 2006].

(2а) сельк., южн., ср.-обск.

ara paja-su-q warky-mb-a
старик старуха-FAM-DU жить-PST-3SG

‘Жили-были старик со старухой’ [H-GM: 001].

(2б) сельк., южн., нарым.

mat kwat-p-am tabe-p
1SG добывать-PSTN-1SG/SG белка-ACC

‘Я добыл белку’ [SelNeg: 163] (см. [Фильченко 2011б]).

Позиция в клаузе, непосредственно предшествующая глагольному предикату (V), типично занята референтом, относящимся к части пропозиции⁶ с прагматической ассерцией — референту с прагматической функцией фокуса (приблизительно приравниваемой к новой информации, реме) [Lambrecht 1994]. В то же время начало клаузы типично ассоциируется с референтом, относящимся к прагматической пресуппозиции, прагматической функцией топика (приблизительно приравниваемой к старой, известной информации, теме). Данная организация пропозиции естественным образом располагает к преобладанию в нарративах структур типа “pro drop”, где типичный субъект — топик пропозиции — эксплицитно не выражен, но референциально доступен в формах обязательного субъектного спряжения глагольного предиката (число и лицо S / A облигаторно).

Более того, при определенной, большей степени активации и идентифицируемости референта возможно использование пропозиций и без эксплицитного O — с обязательным использованием в таких случаях объектного спряжения глагольного предиката (число O). Таким образом, в естественных нарративах пропозиции нередко могут состоять лишь из предикатов и модификаторов с обстоятельственными значениями разного рода [Filchenko 2007: 212].

(3) хант., вост., вас.

terä-s-im `iwes-nə
жарить-PST2-1SG/SG тьяпсы-LOC

‘(Я) зажарил (ее) на тьяпсах’ [BH: 025].

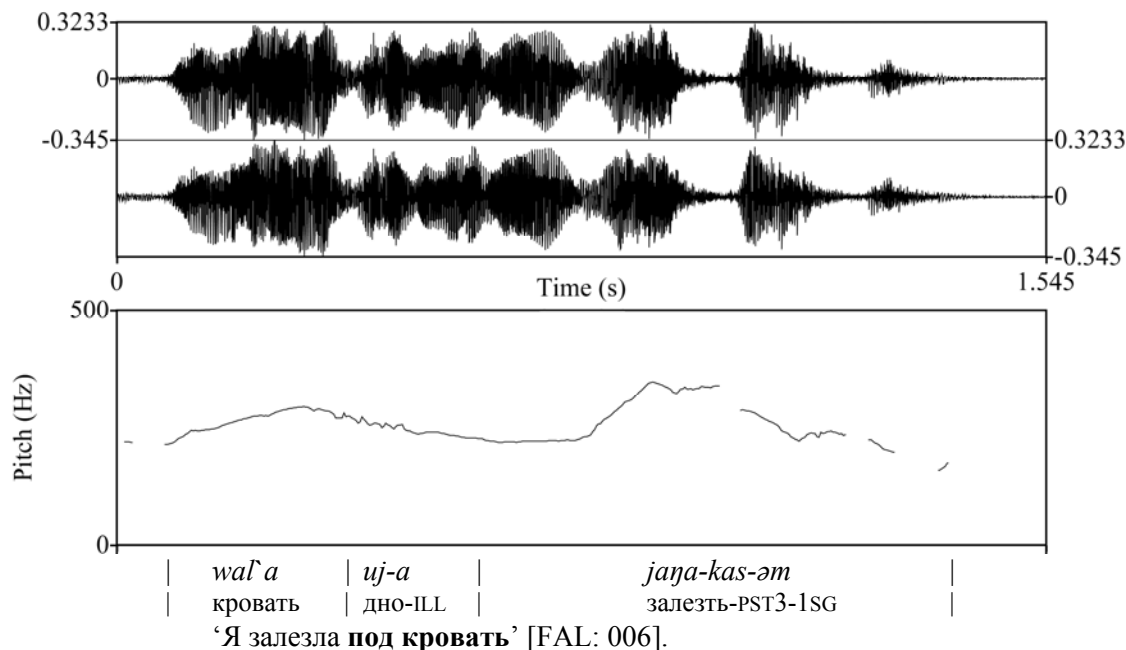
В отношении просодической структуры для обеих систем справедлива характеристика достаточно типичной взаимосвязанности (обусловленности) с синтаксическими, семантическими и прагматическими свойствами [Фильченко 2011а]. Для выявления ключевых интонационных моделей анализируется их типичный акустический коррелят (частота F0), рассматриваемый в отношении двух видов значимых событий: нисходящего тона (L) и восходящего тона (H) в линейной последовательности высказываний, — а также локализация акцентного пика. В соответствии с общетипологическими закономерностями в качестве основной функции интонации выявляется выражение прагматической структуры и дискурсивной значимости элементов пропозиции, т. е. обозначение дискурсивных функций «топик» и «фокус» (косвенным образом сигнализируются компонентность дискурса и разделение его на интонационные единицы, в общем совпадающие с такими синтаксическими единицами, как группы, клаузы и предложения)

⁵ Здесь и далее, когда имеется соответствующая информация, фразовое ударение отмечается в транскрипции примера знаком / / перед ударным слогом, а в свободном переводе примера — полужирным шрифтом. Ударение не проставлено в примерах из архивных источников и публикаций.

⁶ Здесь и далее используется терминология работы по информационной структуре и синтаксису [Lambrecht 1994].

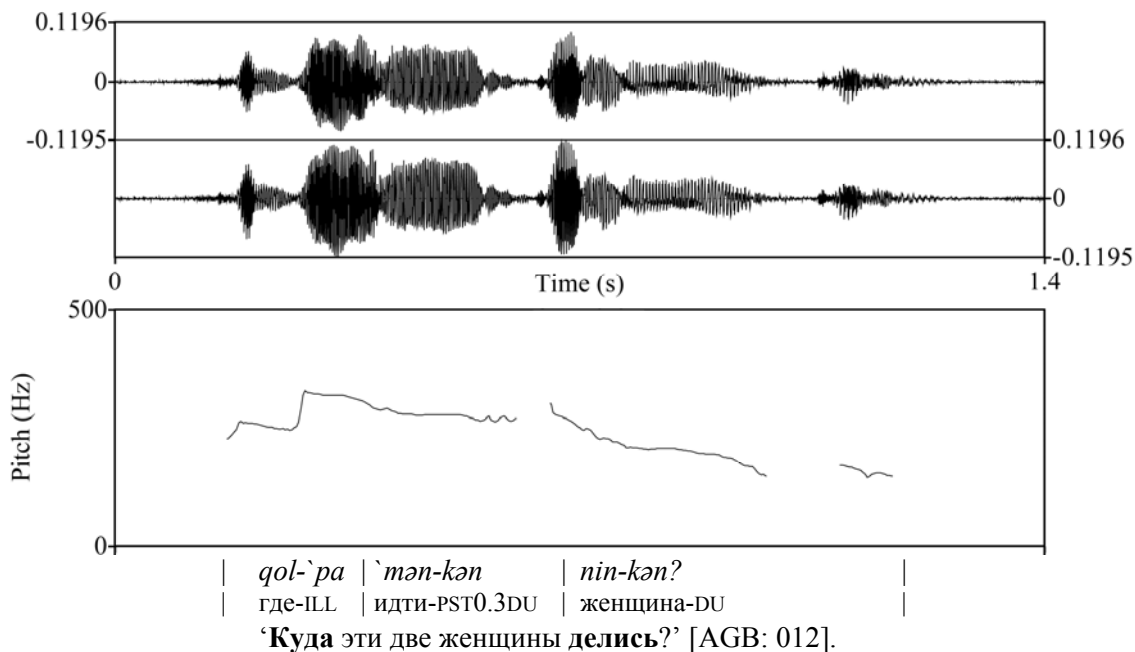
[Selkirk 1984: 270]. Также выявляется очевидная корреляция между распределением акцентных пиков и прагматической функцией фокуса, при которой акцентный пик маркирует часть пропозиции, содержащую прагматическую ассерцию

(4) хант., вост., вас.

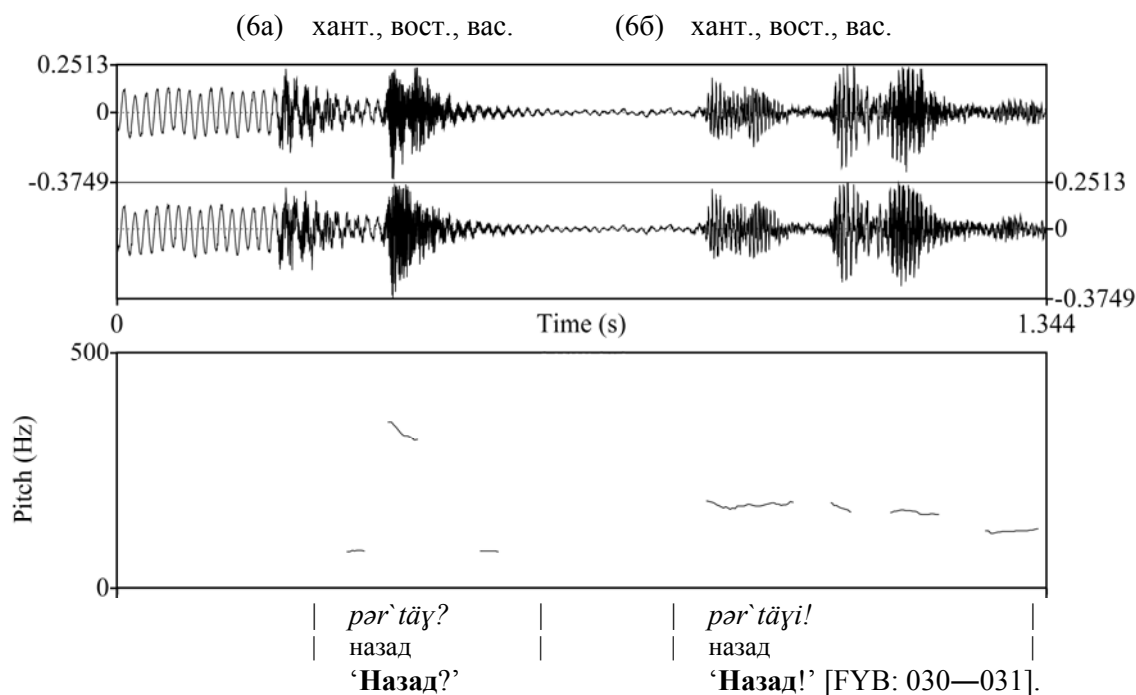

Тенденция регулярно прослеживается в вопросительных предложениях, где акцентный пик маркирует референт или часть пропозиции, которые требуют подтверждения или дополнительной информации, т. е. соответствуют фокусу.

(5) хант., вост., вас.

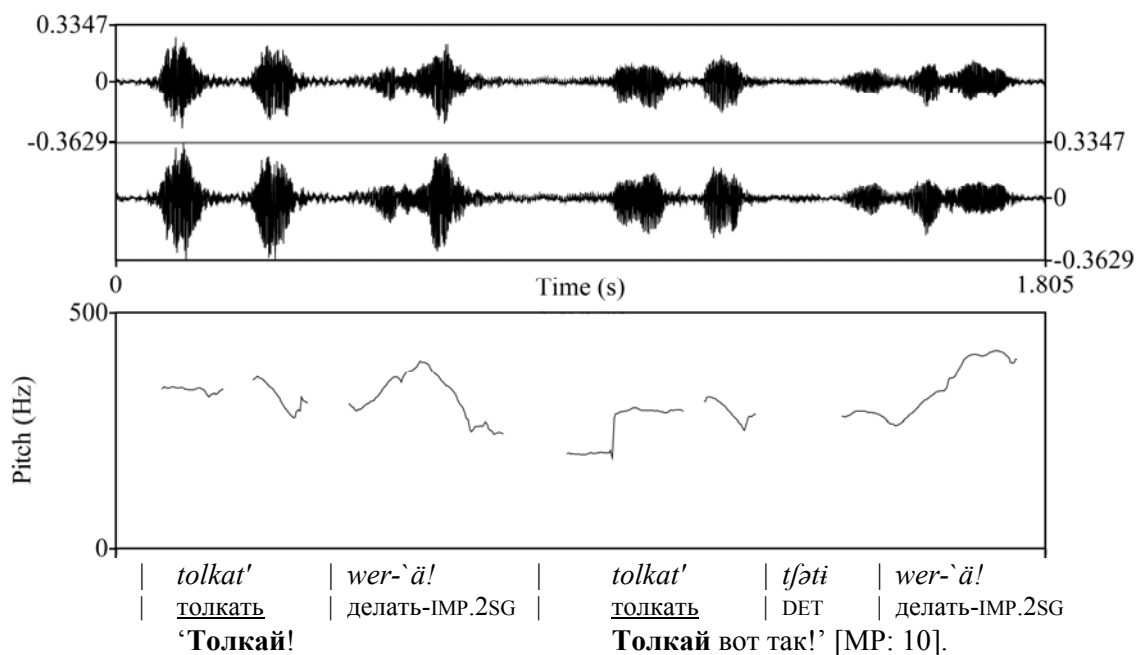

Так как сфера прагматической функции фокуса может быть потенциально широка и способна охватить как один референт, так и всю фразу (и даже целую клаузу), соответственно, и распределение акцентных пиков потенциально вариативно (сообразно различным структурам фокуса). Например, в специальных вопросах вопросительным словом кодируется элемент пропозиции, на который направлен запрос дополнительной информации. Данный референт имеет функцию фокуса и впоследствии обнаруживается в этой функции и в соответствующей пропозиции — ответе.

Наконец, в императивах с помощью акцентного пика выделяются прежде всего предикаты, которые кодируют действия, направленные на требуемые или планируемые ситуации, обычно отличные от текущих или ситуативно ожидаемых (другими словами, соответствующие функции фокуса).

(7) хант., вост., вас.

2. Общие положения

2.1. Типология выражения отрицания

Несмотря на то, что в русской грамматической традиции отсутствует единое общепринятое определение отрицания, обобщенно под отрицанием понимается специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места [Отрицание 2012]. Далее, при обсуждении отрицания, значительное внимание будет уделяться синтаксическим и семантическим свойствам высказываний в их взаимодействии с элементами информационной структуры и прагматическими свойствами пропозиций в дискурсивном контексте. Под отрицательными предложениями будут пони-

маться высказывания, в которых пропозиционная истинность опровергается либо при помощи эксплицитных морфологических средств, либо, в нескольких периферийных случаях, при помощи лексических единиц с имплицитным отрицанием, заложенным в семантике производной основы (отрицательные модальные глаголы и вспомогательные слова).

С точки зрения основных типологических параметров при рассмотрении отрицания выделяются прежде всего такие аспекты морфосинтаксиса, как тип маркера отрицания (негатора) [Dahl 1979; Payne 1985; Dryer 2005], относительная позиция маркера отрицания в клаузе [Dahl 1979; Dryer 1988, 1992], а также сравнительная морфосинтаксическая эквивалентность отрицательных и соответствующих утвердительных клауз (симметрия) [Miestamo 2005]. Так, выделяются следующие типы негаторов: отрицательные аффиксы, отрицательные частицы и специализированные отрицательные глаголы [Dryer 2005; Miestamo 2009].

С точки зрения относительной позиции маркера отрицания в клаузе к типологическим наблюдениям относятся отмечаемая тенденция к начальному положению в клаузе [Jespersen 1917], тенденция к сопредельности с финитным предикатом [Dahl 1979] и общая тенденция к препозиции и коррелированию отрицательных глаголов с базовым порядком слов [Dryer 1992; Miestamo 2009]. В целом, на основе последних крупномасштабных обобщений с использованием [WALS 2011] выделяются препозиция, постпозиция и циркумпозиция, а также типологически редкое периферийное расположение [Miestamo 2009].

Можно провести основную дифференциацию морфосинтаксической симметрии на два типа: симметричное отрицание, при котором какие бы то ни было структурные отличия между утвердительными и отрицательными пропозициями отсутствуют (за исключением присутствия маркера отрицания), и асимметричное отрицание, при котором существуют определенные отличия конструкционного или парадигматического свойства [Miestamo 2005]. Вследствие последнего условия возможно дальнейшее разделение асимметрии на подтипы в соответствии с тем, какого рода синтаксические (чаще всего обязательные аналитические конструкции при отрицании) и парадигматические (чаще всего дефективность отрицательных парадигм) отличия отмечаются при сравнении утвердительных и отрицательных пропозиций.

Кроме того, отмечается типологическая релевантность определенных лексико-грамматических контекстов, в которых структурная асимметрия наиболее вероятна [Kahrel 1996; Miestamo 2005; Miestamo 2009]. Так, императивные и бытийные конструкции, а также конструкции с неглагольными предикатами наиболее располагают к асимметричному отрицанию [Kahrel 1996]. Наконец, глагольные грамматические категории: время, аспект, модальность (ТАМ) — часто выступают контекстом для выявления асимметричных отрицательных конструкций [Miestamo 2009].

В основе данной типологии симметрии отрицательных конструкций лежит очевидный контраст утвердительных и отрицательных пропозиций — с основополагающим принципом маркированности отрицательных конструкций по отношению к утвердительным аналогам [Miestamo 2009]. Так, в основе наиболее типичных видов асимметрии лежат отличия в характеристиках финитного глагольного предиката, а именно распределение ключевых грамматических свойств между смысловым глагольным предикатом (лексическим глаголом — LV), маркером отрицания (негатором — NEG) и неким элементом (чаще всего копулой), способным принять на себя финитные характеристики (финитным элементом — FE) [Miestamo 2005]. Таким образом, асимметричные отрицательные конструкции могут отличаться от утвердительных тем, что лексический глагольный предикат (LV) частично или полностью теряет при отрицании свои финитные свойства (подтип А / FIN по [Miestamo 2005]) а) путем приобретения синтаксической зависимости от финитного элемента (FE), б) или путем приобретения формы зависимого предиката, в) или путем приобретения некоторых именных характеристик.

Частными примерами типологий отрицательных конструкций, в основе которых лежит сравнительный принцип симметрии с утвердительными конструкциями, являются типология прохибитивов [van der Auwera, Lejeune 2005], типология бытийных конструкций (existential) [Croft 1991; Veselinova 2006] и типология конструкций с неопределенными местоимениями (indefinite) [Kahrel 1996; Haspelmath 1997].

Соответственно, типология прохибитивов строится на следующих двух ключевых принципах: основной — морфосинтаксическое сравнение с императивами, вторичный — сравнение прохибитивов с отрицанием в индикативе; дифференцируются четыре основных типа: 1) прохибитив = императив + индикативная стратегия отрицания (тип I); 2) прохибитив = императив + некая специальная стратегия отрицания, не свойственная отрицанию в индикативе (тип II); 3) прохибитив = неимператив (некая другая конструкция) + индикативная стратегия отрицания (тип III); 4) прохибитив = неимператив + некая специальная стратегия отрицания, не свойственная отрицанию в индикативе (тип IV) [van der Auwera, Lejeune 2005].

На сходных принципах строится и типология отрицательных бытийных конструкций, при которой различаются три основных типа: 1) тип А, включающий конструкции со стандартным глагольным отрицанием бытийного глагола; 2) тип В, включающий конструкции со специальным отрицательным бытийным предикатом; 3) тип С, объединяющий конструкции, в которых отрицательный бытийный предикат идентичен стандартному маркеру отрицания при глагольном предикате [Croft 1991].

Наконец, типологии отрицания неопределенных местоимений также опираются на сравнение структурных черт утвердительных и отрицательных конструкций, дифференцируя от трех [Haspelmath 1997] до пяти [Kahrel 1996] типов — с учетом таких параметров, как наличие и тип маркера отрицания (стандартный глагольный или специальный), тип самого неопределенного местоимения (то же, что и в утвердительных; специальное эксплицитно отрицательное местоимение без других маркеров отрицания; отличное от утвердительных, но не эксплицитно отрицательное) и собственно наличие самого местоимения (функция может выполняться некой конструкцией с копулой).

Большинство из вышеперечисленных параметров, наряду с другими, были учтены при разработке «Типологического опросника по отрицанию» [Miestamo 2009] — крупномасштабного типологического проекта, направленного на создание максимально унифицированной тематической эмпирической базы данных для целевого типологического обследования. В частности, в рамках данного проекта проводится исследование аспектов выражения отрицания в уральских языках [Miestamo et al. 2011]. К недавним масштабным типологическим обзорам относится и специальное исследование отрицания в уральских языках Б. Вагнер-Надь [Wagner-Nagy 2011], в котором на материале восьми угорских и самодийских языков (мансийского, хантыйского, селькупского, камасинского, маторского, ненецкого, энецкого и нганасанского) впервые предпринимается детальное рассмотрение морфосинтаксических особенностей отрицания в общетипологической перспективе, с очевидной генетической (в уральском контексте) и ареальной (в западно-сибирском контексте) значимостью. Примечательно, что данное исследование строится в первую очередь на базе корпуса существующих текстов и грамматических очерков, а не на применении специализированных опросников, и в значительной степени было интегрировано в разработку «Типологического опросника по отрицанию в уральских языках» [Miestamo et al. 2011].

2.2. Методология и материал исследования

Настоящая работа, с одной стороны, представляет собой составляющую долгосрочного описательно-го проекта по грамматике восточнохантыйских диалектов и сравнительного исследования по языкам обско-енисейского ареала; с другой стороны, в теоретическом и методическом плане оно является результатом участия в проекте «Отрицание в уральских языках» [Miestamo et al. 2011].

В качестве эмпирической базы исследования использовались корпус нарративов из полевого архива Кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (ТГПУ), ранее публиковавшиеся материалы, грамматические описания и аналитические статьи, а также результаты специальных опросов (с применением опросника по отрицанию). В работе привлечен языковой материал васюганского, александровского и ваховского диалектов хантыйского языка, нарымского, среднеобского и васюганского диалектов селькупского языка. Весь материал исследования представлен в транскрипции IPA и снабжен глоссированием на основе Лейпцигской конвенции [Glossing rules].

3. Выражение отрицания в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах

Следуя общетипологическому принципу, мы будем дифференцировать отрицательные высказывания в рассматриваемых системах прежде всего по семантическому признаку (по сфере действия отрицания в пропозиции) — на общеотрицательные и частноотрицательные (соответственно с широкой и узкой сферой действия) [Jackendoff 1972]. Кроме того, релевантным параметром с точки зрения прагматики будет выступать информационная структура пропозиции. Наиболее типичным и ожидаемым в области отрицания является распространение сферы действия на часть пропозиции, содержащую прагматическую асерцию (фокусные элементы), в то время как попадание в сферу действия отрицания топикальных элементов, ситуативно или контекстно доступных, является менее частотным. С этим связано и нередкое сочетание средств маркирования отрицания с разного рода средствами маркирования прагматической функции фокуса [Givon 2001: 326; Miestamo 2009: 210]. В связи с данной типологической тенденцией настоящее обсуждение сначала коснется различных аспектов частного отрицания, а общеотрицательные конструкции будут рассмотрены позднее. Следует также отметить, что имеющийся в обеих системах

лишительный падеж (абессив, каритив) уже являлся предметом рассмотрения в существующих описательных и сравнительных работах, вследствие чего (а также из-за ограничений в объеме) этот аспект здесь не будет рассматриваться детально.

В целях анализа и с опорой на установленную конвенцию [Miestamo 2005; Miestamo et al. 2011] рассматриваемый восточнохантыйский материал по грамматике отрицания будет подразделен на примеры со стандартным декларативным отрицанием, бытийным декларативным отрицанием, отрицанием индивидуальных элементов клаузы, отрицанием в недекларативных клаузах, а также некоторыми периферийными явлениями в области отрицания. Соответствующие разделы составят структуру следующего ниже описания; большинство из упомянутых типов примеров представлены в подборках (8а—ж) и (9а—ж).

(8а) хант., вост., вас.

tä`jyita-ta pit-wəl

DET смотреть-INF стать-PRS.3SG

‘Он (на нее) **посмотрит**’ [TS: 103].

miŋ jəy-i əntə`qol-wayta-wəl

1PL 3PL-EL NEG слышать-ATTN-PRS.3SG

‘Мы больше его не **услышим**’ [BH: 020].

(8б) хант., вост., вас.

män-nə`joŋo-s-äm

1SG-LOC стрелять-PST2-1SG

‘Я **выстрелил**’ [ST: 107].

män-nə joŋo-ta əntə usp`et` wer-s-äm

1SG-LOC стрелять-INF NEG успеть делать-PST2-1SG

‘Я не **успел** выстрелить’ [ST: 105].

(8в) хант., вост., вас.

miyulə-qəm-ə məlqalla-yən

что-INDF-INSTR забыть-PST0.3SG

‘(Он) забыл что-то’ [TS: 196].

mətäli-pə əntə məlqalla-yən

что-то-EMPH NEG забыть-PST0.3SG

‘(Он) ничего не забыл’ [TS: 197].

(8г) хант., вост., вас.

`wrät jil-itay!

в ряд стоять-IMP.2PL

‘Встаньте **в ряд!**’ [ST: 97].

`poŋqə`äl jiy-l-itay!

куча NEG стоять-IMP.2PL

‘**Не** стойте **кучей!**’ [ST: 96].

(8д) хант., вост., вас.

qatantə-l-əm`jöyə-t-äm-ä

красться-PRS-1SG стрелять-IMPP-1SG-ILL

‘(Я) подкрался (**чтобы**) **выстрелить**’

[Фильченко 2007].

oypı`toyor-s-im far əntə`mən-t-äl-ä

дверь скрыть-PST2-1SG жар NEG идти-IMPP-3SG-ILL

‘(Я) **накрыл** **дверку**, чтобы жар не **ушел**’

[Фильченко 2007].

(8е) хант., вост., алекс.

jay-a qat-ot tinəl-ta`ma-wəl-t

люди-ILL дом-PL продать-INF дать-PRS-3PL

‘Людям **дают** дома **продать**’ [Life: 078].

wajay qän-tfä əntə`sil-wəl-t

зверь искать-INF NEG позволить-PRS-3PL

‘**Не** **дают** (нам) **охотиться**’ [Life: 067].

(8ж) хант., вост., вах.

mä nipik taja-m-am-nə`töŋ,

1SG книга иметь-PP-1SG-LOC COND

nöŋ-ä`mä-yäs-i

2SG-ILL дать-PST1-PS.3SG

‘Если бы у меня была книга, я бы тебе **дал**’⁷ [Gulya 1966: 122].

jöy wal-ŋ-al`töŋ, timint

3SG быть-COND-3SG COND DET

wer əntə`wal-yas

дело NEG быть-PST1.3SG

‘Если бы он был жив, этого бы не случилось’ [Gulya 1966: 122].

(9а)⁸ сельк., южн., нарым.

kanak`mud-i-y-a

собака лаять-EP-PST-3SG

‘Собака **лаяла**’ [SelNeg: 003].

kanak`ā`mud-i-y-a

собака NEG лаять-EP-PST-3SG

‘Собака **не** **лаяла**’ [SelNeg: 004].

(9б) сельк., южн., нарым.

na`kanak`mud-l-a

DET собака лаять-OPT-3SG

‘Эта собака **залает**’ [SelNeg: 006].

na`kanak`ā`mud-l-a

DET собака NEG лаять-OPT-3SG

‘Эта собака **не** **залает**’ [SelNeg: 007].

⁷ Здесь и далее примеры из [Gulya 1966] снабжены глоссированием и свободным переводом на русский язык, которые были сделаны автором данной статьи, т. к. они отсутствуют в самом источнике.

⁸ Примеры (9а—ж) приводятся по [Фильченко 2011а].

(9в) сельк., южн., нарым.

`mud-lend

лаять-IMP.2SG

‘Лай!’ [SelNeg: 013].

*`igi / `ā*⁹ *mud-lend*

NEG NEG лаять-IMP.2SG

‘Не лай!’ [SelNeg: 014].

(9г) сельк., южн., нарым.

kanak `mal-al-ə-ʃp-a* *`li-p

собака грызть-INGR-EP-IPRFV-3SG кость-ACC

‘Собака **грызет кость**’ [SelNeg: 018].*kanak `ā `mal-al-ə-ʃp-a* *li-p*

собака NEG грызть-INGR-EP-IPRFV-3SG кость-ACC

‘Собака **не грызет кость**’ [SelNeg: 019].

(9д) сельк., южн., нарым.

kuzat kanak `awər-l-a, tab `ā mud-a

когда собака есть-OPT-3SG 3SG NEG лаять-3SG

‘Когда собака **поест**, она **не лает**’ [SelNeg: 055]*kuzat kanak `ā `awər-l-a, tab `mud-a*

когда собака NEG есть-OPT-3SG 3SG лаять-3SG

‘Когда собака **не поест**, она **лает**’ [SelNeg: 57].

(9е) сельк., южн., нарым.

kor`aldz-lel* *kanak `mudə-gu

заставить-IMP.2SG/SO собака лаять-INF

‘Заставь собаку **лаять!**’ [SelNeg: 059].*kor`aldz-lel* *kanak `ā mudə-gu*

заставить-IMP.2SG/SO собака NEG лаять-INF

‘Заставь собаку **не лаять!**’ [SelNeg: 060].

(9ж) сельк., южн., нарым.

mat kig-ak *tab `kwə-mb-i*

1SG хотеть-1SG 3SG идти-PSTN-3SG

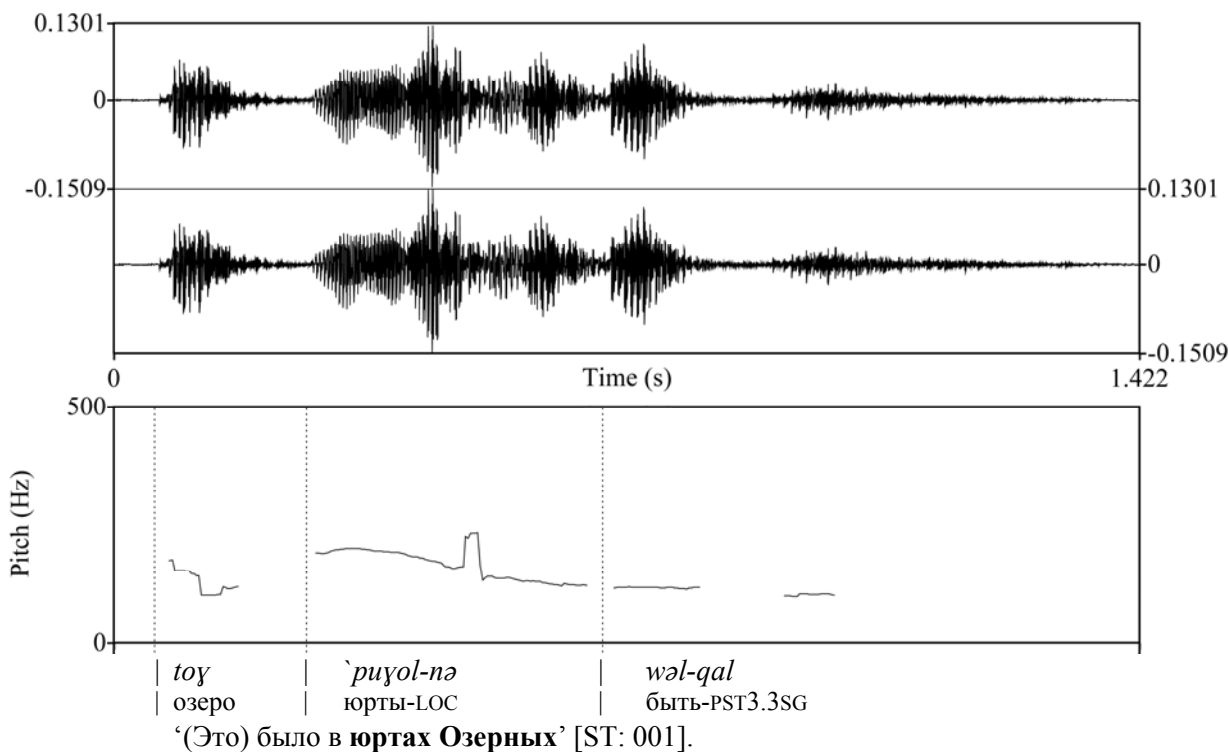
‘Я хочу, (чтобы) он **ушел**’ [SelNeg: 100].*mat kig-ak* *tab `ā kwə-mb-i*

1SG хотеть-1SG 3SG NEG идти-PSTN-3SG

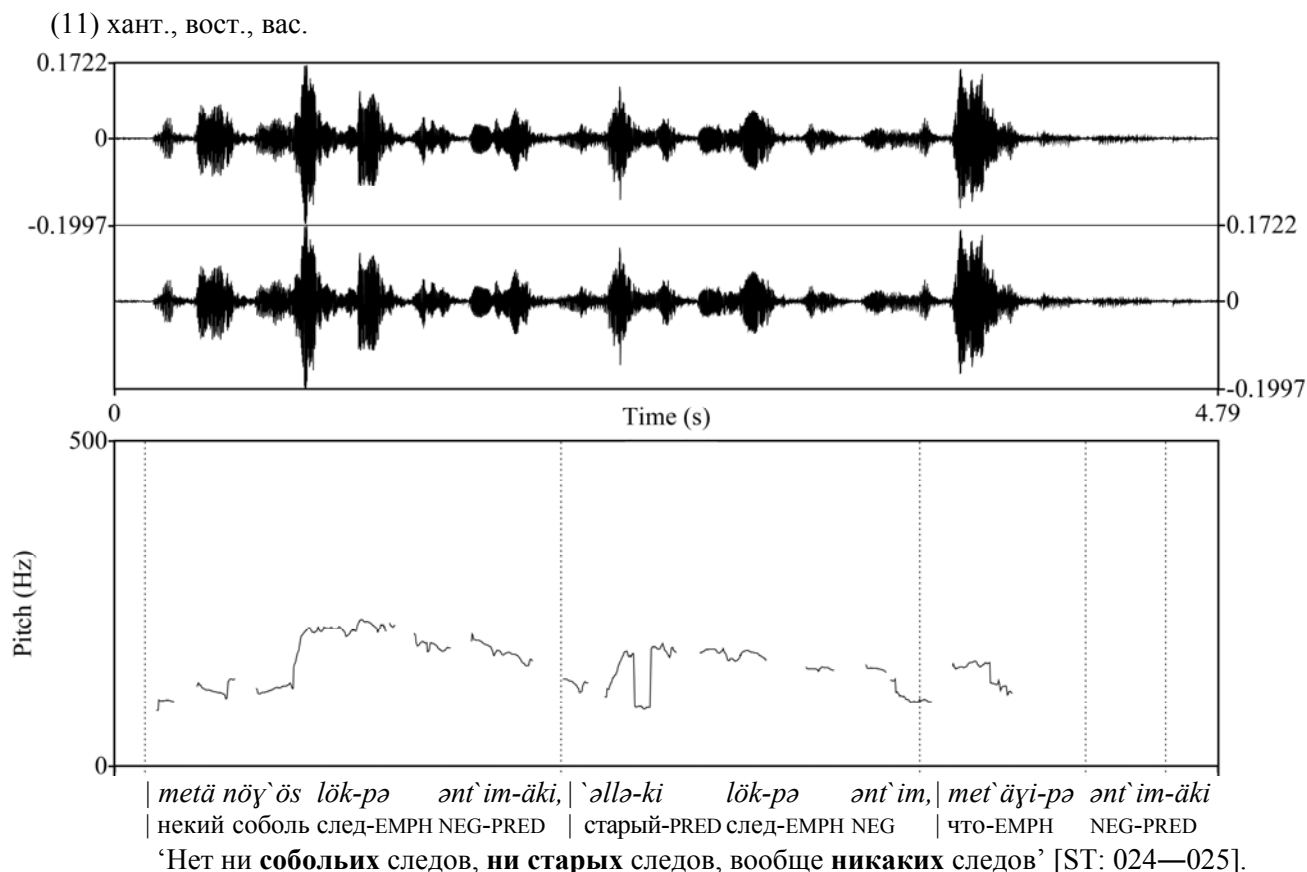
‘Хочу, (чтобы) он **не уходил**’ [SelNeg: 101].

Можно сделать первоначальное наблюдение, что обеим системам в качестве стандартной стратегии отрицания свойственно отрицание глагольной группы путем препозиции маркера отрицания. Из анализа акцентных характеристик очевидно, что при отрицании сохраняются основные тенденции к общему терминальному нисходящему тону и корреляции между акцентным пиком и референтом с прагматической функцией фокуса.

(10) хант., вост., вас.

⁹ На современном этапе оба варианта отрицательного маркера употребительны в прохибитивных конструкциях, при этом негатор *ig* отмечается реже, в то время как *ā* употребляется как при индикативе, так и при императиве. Согласно существующим грамматическим описаниям, в императиве должен употребляться *ig* [ОчСЯ 1980; Беккер и др. 1995].

В примерах (10) и (11) при нисходящем тоне (L) акцентный пик соответствует элементам предложения, относящимся к прагматической ассерции, т. е. фокусным: 'юрты Озерные' в локативе (10); 'собольих следов <...>, старых следов <...>, любых следов' (11). Акцентный пик распространяется и на маркер отрицания *ənt-*, выступающий в примере (11) в форме отрицательного бытийного предиката (см. ниже раздел «Отрицание при бытийных пропозициях»). В этой ситуации наблюдается корреляция между распределением акцентного пика и общей семантикой пропозиции (отрицание истинности / существования референта или его качества). Другими словами, очевидно определенное совпадение сферы просодической маркированности и сферы действия отрицания. В пропозициях типа (11) как раз несуществование референта (референтов) прагматически ассоциируется с функцией фокуса: 'Касательно следов, не было **ни собольих, ни старых, никаких** <следов> совсем'. Подтверждением особого прагматического статуса данных именных элементов ('следы'), существование которых (вопреки ожиданию) отрицается в пропозиции, является наличие специального эмфатического маркера *-pə* (см. также ниже раздел «Отрицание при неопределенных местоимениях»).

Данная модель регулярно прослеживается не только в примерах стандартного отрицания, но и в конструкциях с именными предикатами (12), где отрицание кодируется маркером стандартного отрицания *əntə* (NEG_{ST}), просодически не акцентированным, в то время как акцентный пик приходится на сам именной предикат, снабженный специальным предикативным аффиксом *-äki*, который используется также и для бытийного отрицания: 'Касательно моего ружья, оно (вопреки ожиданию) **не заряжено**'.

(12a) хант., вост., вас.

pöjškän-äm` trop-na pon-`am(-aki)
ружье-1SG дробь-СОМ зарядить-PP(-PRED)
'Мое ружье **дробью** заряжено' [ST: 050].

(12б) хант., вост., вас.

ni, pöjškän-äm` əntə <...> pon-`am-aki
ну ружье-1SG NEG_{ST} зарядить-PP-PRED
'Ну, мое ружье **не заряжено**' [FYB: 022].

В южноселькупских диалектах просодическая ситуация в отрицательных пропозициях в целом полностью сопоставима с рассмотренной восточнохантыйской моделью: локализация акцентного пика и сфера действия отрицания, очевидно, коррелируют.

(13a) сельк., южн., нарым.

kana-nan` li ē-y-a
собака-LOC1 кость быть-PST-3SG
'У собаки была **кость**' [SelNeg: 036].

(13б) сельк., южн., нарым.

kana-nan` li` ā ē-y-a
собака-LOC1 кость NEG_{ST} быть-PST-3SG
'У собаки **не было кости**' [SelNeg: 037] (см. [Фильченко 2011б]).

3.1. Стандартное отрицание

К стандартному отрицанию (см. примеры (8а), (9а)) обобщенно относятся способы выражения отрицания в наиболее базовых типах предложений — простых декларативных активных клаузах с наиболее типичным для системы простым глагольным предикатом [Miestamo 2005]. Как уже отмечалось ранее, наиболее частым смысловым эффектом отрицания является попадание в сферу его действия только определенной части пропозиции, результатом чего наиболее типично происходит ассерция неистинности соответствующей части пропозиции, в то время как остальная часть остается истинной, составляя прагматическую пресуппозицию (примерно приравняваемую к старой / доступной информации).

(14а) хант., вост., вас.

mustəm ni woj-əyən
красивый женщина спать-РСТ0.3SG
'Красавица спала' [TS: 115].

(14б) хант., вост., вас.

mustəm ni əntə woj-əyən
красивый женщина NEG_{ST} спать-РСТ0.3SG
'Красавица не спала' [TS: 134].

(15а) сельк., южн., нарым.

na kanak `mud-a
DET собака лаять-PRS.3SG
'Эта собака **лает**' [SelNeg: 002].

(15б) сельк., южн., нарым.

na kanak `ā mud-a
DET собака NEG_{ST} лаять-PRS.3SG
'Эта собака (сейчас) **не лает**' [SelNeg: 002].

Так, в примере (14б) в сферу действия отрицания попадает финитный предикат 'спал(а)', истинность которого опровергается отрицательной ассерцией, в то время как существование самого референта 'красивая женщина' является частью ситуативной пресуппозиции, что в целом отмечается как типологически распространенное явление [Givón 2001: 379]. В селькупском примере (15б) существование и отношение к некой частной ситуации определенного референта ('собака') также является частью пресуппозиции, а действие, выраженное финитным предикатом 'лает', отнесено к неистинной, ассертивной части пропозиции.

В формальном плане как в восточнохантыйском, так и в южноселькупском случае отрицательные клаузы представляют собой типичные утвердительные индикативные — за исключением присутствия маркера отрицания непосредственно перед тем элементом пропозиции, истинность которого опровергается. Маркерами стандартного отрицания являются свободные морфемы (частицы): *əntə* в восточнохантыйских диалектах, *ā* (*ауа*) в южноселькупских, — непосредственно предшествующие части пропозиции, соответствующей прагматической ассерции, истинность которой опровергается. Таким образом, оба языка могут быть типологически охарактеризованы как применяющие синтаксическую стратегию отрицания «в противовес» морфологической (с использованием отрицания как словоизменительной категории) [Dahl 1979].

Несложно заметить, что в представленных примерах (8а—ж), (9а—ж) и (14б), (15б) маркер отрицания непосредственно предшествует глагольным предикатам, выражая отрицание истинности части пропозиции с функцией фокуса. Грамматические роли S / A, референты с семантической ролью агенса и локатива, оказываются за пределами сферы действия отрицания, относясь в этих случаях к топикальной части пропозиции. Подобным же образом пример (16) демонстрирует маркер отрицания в позиции между пространственным превербом 'вне / наружу' и финитным глагольным предикатом, тем самым иллюстрируя тесную связь с предикатом, преобладающую над связанностью предиката и преверба, который оказывается за пределами непосредственной сферы отрицания (букв. 'наружу, он(а) не выходит').

(16) хант., вост., вас.

(jal-l-əw,) <...> `kūm əntə ju-`wəl
стоять-PRS-1PL наружу NEG_{ST} выйти-PRS.3SG
'((Мы) ждем,) <...> но (он) **наружу не выходит**' [ST: 072].

В отношении семантики глагольного предиката отклонений в выражении отрицания не отмечается. Отрицание при модальных предикатах желания, физической и умственной способности, необходимости, долженствования, а также предикатах с семантикой разрешаемого, планируемого, целевого события, манипуляции или условия кодируется согласно стандартной стратегии — путем препозиции маркера отрицания к модальному предикату с глагольным компонентом.

Во всех рассмотренных случаях обе системы демонстрируют последовательную морфосинтаксическую симметрию (в сравнении с утвердительными пропозициями), не обнаруживая каких-либо парадигматических особенностей¹⁰.

¹⁰ В восточнохантыйских диалектах в контексте прошедшего времени также отмечается периферийная конструкция с параметрами асимметрии типа A / FIN / NEG_{VERB}, при которой финитному предикату утвердительного

3.2. Отрицание индивидуальных элементов пропозиции (частноотрицательные клаузы)

В обеих системах наряду с отрицанием предикативной группы распространены частноотрицательные конструкции, характеризующиеся последовательной стратегией препозиции стандартного маркера отрицания непосредственно элементу пропозиции, истинность или существование которого опровергается: например, адвербиальные обстоятельства способа действия (17а), направления (17б), условия (17в), цели (17г). При этом сфера действия отрицания часто распространяется лишь на сам адвербиальный элемент, но не на всю предикативную группу.

(17а) хант., вост., вас.

aj-əm kit-əm qu-j-t, əntə `qoʊ `noməʊsək-min noy wer-at (...)
 молодой-ATTR вещь-ATTR мужчина-EP-PL NEG_{ST} долго думать-CONV стрела делать-PST0.3PL
 ‘Не долго думая, парни стрелы сделали (...)’ (*не долго*) [Калинина 1966].

(17б) хант., вост., вах.

mā onəltəʊəl-tə kat-pa məntə əntə koj-l-əm
 1SG учиться-IMPP дом-ILL идти-INF NEG_{ST} хотеть-PRS-1SG
 ‘Я не хочу идти в школу’ (*не в школу*) [Gulya 1966: 124].

(17в) хант., вост., вах.

əntə mən-ŋ-an wöy-nə tul-uj-ən
 NEG_{ST} идти-COND-2SG сила-COM братъ-PS-2SG
 ‘Если не выйдешь (за него), тебя заберут силой’ (*не пойдешь*) [Gulya 1966: 121].

(17г) хант., вост., вас.

n'an' jiyə`ta-s-im, qotf-`ayı ili əntə qotf-`ayı
 хлеб проверить-PST2-1SG/SG подгореть-PST0.3SG или NEG_{ST} подгореть-PST0.3SG
 ‘Я проверил хлеб, подгорел или не подгорел’ [Фильченко 2008].

(18а) сельк., южн., нарым.

ā `hir-il watt, `pəka-t
 NEG_{ST} корова-ADJ след лось-GEN
 ‘Это не **коровы** след, (а) **лося**’ [SelNeg: 120].

(18б) сельк., южн., нарым.

tat `ā `kond-al-b-iy-ant? `ā kond-al-b-iy-ak
 2SG NEG_{ST} спать-INGR-DUR-PST-2SG NEG_{ST} спать-INGR-DUR-PST-1SG
 ‘Ты **не** **поспал**? (Нет, я) **не спал**’ [SelNeg: 124].

(18в) сельк., южн., нарым.

na `korg pork-w-a? `ā korg pork-w-a, `pək pork-w-a
 DET медведь рычать-PRS-3SG NEG_{ST} медведь рычать-PRS-3SG лось рычать-PRS-3SG
 ‘Это **медведь** рычит? Это **не медведь** рычит, это **лось** кричит’ [SelNeg: 116].

эквивалента соответствует отрицательная конструкция с нефинитным предикатом (перфектным причастием) и отрицательным бытийным предикатом — также неизменно в нефинитной форме [Miestamo 2005: 60—75; Wagner-Nagy 2011: 111]. Показатели времени в конструкции отсутствуют, а информация об агенсе (грамматическом субъекте) доступна в посессивном маркировании причастия:

töyət-əŋ kiriw töyə-l-a mən-təä- m-əl-ə-p əntəm
 пар-COM лодка там-3SG-ILL идти-IMPP мочь-PP-EP-3SG-рə NEG_{EX}
 ‘(...) Пароход туда ехать не в состоянии (...)’ [SAB-TOL-KOM: 006].

Необходимо, однако, отметить, что, в отличие от сходных северноселькупских [Wagner-Nagy 2011: 109], данные конструкции не следовало бы считать регулярным показателем развивающейся тенденции к асимметрии по ряду причин: 1) как отмечалось выше, этот тип примеров крайне немногочислен и специфичен; 2) этот тип примеров имеет крайне ограниченную дистрибуцию (типично — разносубъектные подчиненные клаузы в составе сложно-подчиненных предложений); 3) эти конструкции нельзя в полной мере противопоставлять финитным утвердительным эквивалентам, так как стандартные отрицательные конструкции с финитным предикатом прошедшего времени и маркером стандартного отрицания не только возможны, но и более регулярны; см. примеры (8б), (8в), (8ж), (14б), (15б), (17г), (21), (53а), (58) в этой статье. Вероятнее всего, этот тип примеров представляет разновидность бытийного отрицания с номинализацией в качестве именной части (см. раздел «Отрицание при бытийных пропозициях»).

В сложных и осложненных предложениях, например с определительным инфинитивным (реже финитным) оборотом, в сферу отрицания может попадать как главная, так и подчиненная клауза. Кроме того, в редких примерах (в основном переводного плана) обе клаузы одновременно также могут подвергаться отрицанию, в этом случае маркер отрицания типично предшествует каждому предикату: как главному, так и подчиненному (инфинитивному, реже финитному), — тем самым опровергая истинность как ассерции подчиненной клаузы, так и пропозиции главной клаузы (19).

(19a) хант., вост., вас.

qoji antə `wer-wəl, ti (qasi) antə `il-wəl
кто NEG_{ST} делать-PRS.3SG DET (человек) NEG_{ST} есть-PRS.3SG

‘Кто **не работает**, тот (человек) **не ест**’ [Потанина, Фильченко 2010].

(19б) хант., вост., вас.

qoji antə wer-wəl, antə il-wəl
кто NEG_{ST} делать-PRS.3SG NEG_{ST} есть-PRS.3SG

‘Кто не работает, (тот) не ест’¹¹ [Gulya 1966: 86].

(20) сельк., южн., нарым.

man amba-m `tänu-y-a, `ā `tor-en-dəl ti`bi-l gur
1SG мать-1SG/SG знать-PST-3SG NEG_{ST} читать-EP-IMPP мужчина-ADJ человек

‘Моя мать **знала** мужчину, который **не** (умел) **читать**’ [SelNeg: 108] (см. [Фильченко 2011б]).

Подобным же образом в пропозициях с условным или сослагательным значением маркер отрицания находится в препозиции к каждому глагольному предикату в отдельности — предикату главной (финитной) и предикату подчиненной (финитной) клаузы. Таким образом, область действия отрицания ограничивается частью со значением причины / условия (прагматической ассерцией), а не охватывает всю пропозицию адвербиальной клаузы или всю сложную пропозицию целиком; см. (21), (22а—в).

(21) хант., вост., вах.

män-nə tu-yas-i töj, jöy-ən män-ä antə mə-yäs-i
1SG-LOC нести-PST1-PS.3SG COND 3SG-LOC 1SG-ILL NEG_{ST} дать-PST1-PS.3SG

‘Я должен был принести (ее), но (он) мне (ее) не отдал’ [Gulya 1966: 122].

(22a) сельк., южн., ср.-обск.

aža ūd-enž-al tannāni ē-nž-a
NEG_{ST} отпустить-FUT-2SG.OBJ 2SG.POSS быть-FUT-3SG.SUB

‘Не отпустишь — твой будет’ [H-GM: 087].

(22б) сельк., южн., ср.-обск.

kū katbo-nž-al mašem aža qonžir-ženž-al
куда девать-FUT-2SG.OBJ 1SG.ACC NEG_{ST} видеть-FUT-2SG.OBJ

‘Если куда денешь, меня не увидишь’ [H-GM: 054].

(22в) сельк., южн., ср.-обск.

naguru-mžēl-`i t`ēlt aza udir-ženž-al ara-m-d ara-galk qal-enanž
три-ORD-ADJZ день NEG удержать-FUT-2SG.OBJ муж-ACC-POSS.3SG муж-ABES остаться-2SG.FUT

‘На **третий** день не удержишь, без мужа останешься’ [H-GM: 104].

3.3. Отрицание в бытийных пропозициях

В обеих рассматриваемых системах отрицание в бытийных пропозициях выражается при помощи специальных отрицательных бытийных предикатов. В целях настоящего анализа к одному типу бытийных пропозиций отнесены следующие конструкции: эквативные (‘эта женщина — мать’), инклюзивные (‘мы — васюганцы’), атрибутивные (‘рыба маленькая’), локативные (‘рыба в лодке’), собственно бытийные (‘в лесу есть следы зверей’) и посессивные (‘у меня товарищ’), характеризующиеся как конструкции с бытийными глаголами-копулами (подробнее о типологии бытийных конструкций в уральских языках см. [Wagner-Nagy 2011: 176—181]).

Формально, с точки зрения выражения отрицания в рассматриваемых языках, бытийные конструкции могут быть условно подразделены на два подтипа, объединяющих в первом случае (1) экватив-

¹¹ Здесь и далее примеры из [Gulya 1966] снабжены глоссированием и свободным переводом на русский язык, которые были сделаны автором данной статьи, т. к. они отсутствуют в самом источнике.

ные, инклюзивные и атрибутивные конструкции, а во втором — (2) локативные, собственно бытийные и посессивные конструкции. Эти подтипы характеризуются предпочтением разных стратегий отрицания: подтип (1) — стандартной стратегии отрицания (ср. (23г) и (24г), см. раздел «Стандартное отрицание»); подтип (2) — бытийной стратегии отрицания (ср. (23а—в) и (24а—в), см. разделы «Восточнохантыйские отрицательные бытийные пропозиции» и «Южноселькупские отрицательные бытийные пропозиции»).

Случаи, когда бытийные значения выражаются конструкциями с глагольными предикатами (локативные и собственно бытийные — с глаголами положения ‘сидеть’, ‘стоять’; посессивные — с глаголами обладания ‘держат’, ‘иметь’, ‘владеть’ и т. д.), также отнесены в целях настоящего анализа к стандартным глагольным конструкциям со стандартной стратегией глагольного отрицания (см. раздел «Стандартное отрицание»). Другими словами, в то время как бытийные конструкции в рассматриваемых системах демонстрируют вариативность в утвердительных клаузах (именная предикация в эквативных, инклюзивных, атрибутивных, некоторых локативных и посессивных конструкциях), при отрицании они достаточно «однородны» в использовании стандартной стратегии глагольного отрицания.

Следует отметить, что в обеих системах типичные бытийные пропозиции имеют структуру [LOC THEME V_{EX}] с бытийным предикатом-копулой: хант. *wəl-*¹² / сельк. *e-* ‘быть, жить, находиться’, — который может не выражаться эксплицитно в настояще-будущем времени.

(23а) хант., вост., вас.

nin qasi-tə əŋk-äl (wəl-wəl)
женщина мужчина-3PL/SG мать-2SG быть-PRS.3SG

‘Эта женщина (есть) этих мужчин мать’ [EKHNeg: 015].

(23б) хант., вост., вас.

məŋ wäs'-j' oŋan jaŋ (wəs-əw)
1PL Васюган-река люди (быть-1PL)

‘Мы (есть) васюганцы’ [EKHNeg: 008b].

(23в) хант., вост., вас.

qul `qolla `wəreŋ-ali (wəl-wəl-t / wəl-s-ət)
рыба весь маленькая-DIM быть-PRS.3SG-PL быть-PST2-3PL

‘Рыба есть / была вся маленькая’ [EKHNeg: 003b].

(23г) хант., вост., вас.

män-nə qasi wəl-wəl <...>
1SG-LOC человек быть-PRS.3SG

‘У меня товарищ есть <...>’ [OM2WM: 039].

(24а) хант., вост., вас.

`ärki-`əntə, `əj-äli, ənt-`är-ki (wəl-wəl)
много-NEG_{ST} один-DIM NEG_{ST}-много-PRED (быть-PRS.3SG)

‘Не много, всего один (есть)’ [FYB: 037].

(24б) хант., вост., вас.

pöiškän-äm əntə <...> pən-`əm-aki
ружье-1SG NEG_{ST} заряжать-PP-PRED

‘Мое ружье не <...> заряжено’ [FYB: 022].

(24в) хант., вост., вас.

wajaŋ əntə `käntf-im wəl-`qal
зверь NEG_{ST} худой-ATTR быть-PST3.3SG

‘(Этот) медведь был не худой’ [ST: 125].

(24г) хант., вост., вас.

män-nə qasi ən`tim
1SG-LOC человек NEG_{EX}

‘У меня товарища нет’ [EKHNeg: 2012].

Формально-семантические характеристики южноселькупских бытийных пропозиций в целом идентичны описанным выше восточнохантыйским (см. ниже раздел 3.3.2).

¹² В хантыйском языке бытийный глагол *wəs-* ‘быть’ используется для THEME 1-го и 2-го лица, в то время как глагол *wəl-* ‘быть, жить’ — для 3-го лица (в последнее время дистрибуция *wəl-* распространяется и на 1-е лицо).

3.3.1. Восточнохантыйские отрицательные бытийные пропозиции

В восточнохантыйских диалектах отрицательный бытийный предикат [NEG_{EX}] этимологически связан со стандартным маркером отрицания *əntə* и имеет, скорее всего, причастную форму — *əntim* (25). Этот факт, наряду с некоторыми свидетельствами сравнительного общеугорского плана (требующими, однако, дальнейшего подтверждения), говорит в пользу гипотезы о глагольной природе стандартного маркера отрицания *əntə*, который, вероятно, представляет собой «окаменелый» отрицательный глагол протообско-угорского периода или более раннего времени. Кроме того, в некоторых случаях данный отрицательный бытийный предикат может приобретать специальный предикативный аффикс *-äki*, который обычно используется в именной предикации: ср. собственно бытийные конструкции (25а), (25б) и именной предикат в примере (12а), который повторен здесь для удобства.

(25а) хант., вост., вас.

män-nə *tʃimläli* *tʃi-näm* *ʃoʃo-s-im,* *tʃut-nə-pə* *ənt`im-äki*
1SG-LOC немного там-ALL стрелять-PST2-1SG DET-LOC-EMPH NEG_{EX}-PRED

‘Я туда **выстрелил**, там (ничего) **нет**’ [ST: 107].

(25б) хант., вост., вас.

grugom *ʃwelkäntä-l-im,* *mätä* *nöy`ös* *lök* *ənt`im-äki*
кругом идти-PRS-1SG некоторый соболев след NEG_{EX}-PRED

‘Я там **прошел** вокруг, (там) никаких **собольих** следов **нет**’ [ST: 023—024].

*(12а) хант., вост., вас.

pöʃkän-äm *ʃtrop-na* *pon-əm-aki*
ружье-1SG дробь-COM зарядить-PP-PRED

‘Мое ружье **дробью** заряжено’ [ST: 050].

В случае пропозиции, где отрицательная ассерция направлена на опровержение существования множественных референтов, отрицательный бытийный предикат *əntim* может стоять в форме множественного числа (предикативный аффикс *-ätə*).

(26) хант., вост., вас.

ämp-ät <...> *tʃu* *taʃi* *morta* *toʃi* *wer-il* *ʃporo-min,* *i* *jəʃ-näm* *ənt`im-ätə*
собака-PL DET место весь прочь делать-3PL шагать-CONV и 3PL-RFL NEG_{EX}-PRED

‘Собаки <...> повсюду **наследили**, а самих (собак) (здесь) **нет**’ [ST: 085].

Данные пропозиции можно условно охарактеризовать формальной моделью [NEG_{EX} (+ PRED)], отражающей возможное употребление с предикативным аффиксом.

Необходимо, однако, отметить, что, как и именные предикаты, отрицательные бытийные предикаты могут в некоторых случаях использоваться и без предикативных аффиксов. Так, в локативных конструкциях (27а) и (27б) приведены примеры реитерацией, где в первом случае отрицательный бытийный предикат использован с предикативным аффиксом, а во втором — без.

(27а) хант., вост., вас.

notəʃsələ-l-əm: *wajay* *lök* *ənt`im-aki,* *jəlk-i* *jəlkämtä-s-im:* *wajay* *lök* *ənt`im*
думать-PRS-1SG зверь след NEG_{EX}-PRED круг-EL кружить-PST2-1SG зверь след NEG_{EX}

‘Думаю: «Следов звериных **нет**»; вокруг обошел: «Зверя следов **нет**»’ [ST: 091].

(27б) хант., вост., вас.

worw-al-a *läy-im-al,* *pun-əl* *ənt`im-äki,* *pun-əl* *ənt`im*
штаны-3SG-ILL смотреть-PP-3SG волос-3SG NEG_{EX}-PRED волос-3SG NEG_{EX}

‘В штаны себе посмотрел, волос **нет**, волос у него **нет**’ [M-V: 006—007].

Такая модель повторной отрицательной ассерции без предикативного аффикса способна действовать на достаточно большой дискурсивной дистанции, когда данное, своего рода анафорическое повторение отделено от антецедента дискурсивным расстоянием до десяти клауз (ср.: клауза в (28), реитерация клаузы в (27а), десять клауз ранее).

(28) хант., вост., вас.

opjat`* *nöyös* *lök-pə* *ənt`im
опять соболев след-EMPH NEG_{EX}

‘Опять никаких соболев следов **нет**’ [ST: 033].

Примеры обратного порядка при повторении, т. е. следования бессуффиксального отрицательного бытийного предиката *əntim* за суффиксальным *əntim-äki* (в отношении одного референта), отсутствуют.

Следует сказать, что примеры отрицательных бытийных предикатов без предикативного аффикса статистически преобладают (60% к 40%), что может свидетельствовать о большей типичности бессуффиксального использования. Кроме того, имеется ряд примеров, где отрицательный бытийный предикат без предикативного аффикса (*əntim*) не является повторением локативной конструкции (29).

(29) хант., вост., вас.

män-nə krugom jalk`ämtä-s-im: məta wajaɣ lök ənt`im
 1SG-LOC кругом обойти-PST2-1SG некий зверь след NEG_{EX}
 ‘Я кругом **обошел**: никаких звериных следов **нет**’ [ST: 089].

Кроме того, пример (29), как и (30а—в) ниже, иллюстрирует типичную восточнохантыйскую стратегию кодирования отрицания неопределенности (negative indefinite) путем стандартного отрицания обычного неопределенного местоимения (см. ниже раздел «Отрицание при неопределенных местоимениях»).

Наконец, существует небольшой корпус примеров, где предикативный аффикс *-äki* редуцируется в рамках одного отрицательного бытийного предиката (30в).

(30а) хант., вост., вас.

wajaɣ əntə `käntf-im wəl-`qal
 зверь NEG_{ST} худой-ATTR быть-PST3.3SG
 ‘(Этот) зверь **не худой был**’ [ST: 119].

(30б) хант., вост., вас.

jöy-ən `moloko wəl-wəl
 3SG-LOC молоко быть-PRS.3SG
 ‘У нее **молоко** есть (возможно)’ [ST: 120].

(30в) хант., вост., вас.

toyi-j-əy-i juŋa-s-əm <...>, mətali ənt`im-äki-iki, ənt`im wəl-qal
 там-EP-ADV-EL добраться-PST2-1SG что-то NEG_{EX}-PRED-PRED NEG_{EX} быть-PST1.3SG
 ‘(Я) туда забрался <...>, (а там) ничего **нет, не было**’ [ST: 121].

Дистрибутивные свойства предикативного аффикса *-äki* с отрицательным бытийным предикатом наиболее вероятно связаны с прагматическими свойствами референта, на опровержение истинности которого направлена пропозиция данного типа. Отрицательная ассерция существования некоторого референта X будет, скорее всего, выражена с помощью отрицательного бытийного предиката *əntim* без предикативного аффикса *-äki*, если соответствующий референт X обладает высокой степенью прагматической активации / идентифицируемости, в большей степени доступен участникам дискурса. Кроме прочего, такая модель больше соответствует общей типологической тенденции к структурной экономии в отношении доступной, общей, ожидаемой информации, т. е. обратной пропорциональности морфосинтаксической сложности и прагматической активированности, топиальности [Dahl 1979; Lambrecht 1994].

В этой связи пример (30в) можно рассматривать в качестве подтверждения, где последняя часть пропозиции содержит отрицательный бытийный предикат *əntim*, за которым следует бытийный глагол *wəl-* ‘(он(а)) был(а)’, образуя буквальное ‘несуществующим / отсутствующим (он(а)) был(а)’. Корреферентное согласование 3SG на бытийном предикате контекстно соотносится с референтом ‘детеныш’, отсутствие которого является центром ассерции данной пропозиции и фактически подтверждается говорящим (‘я туда (в берлогу) забрался <...>’).

Грамматическое настоящее время предиката в примере (30б) согласуется с так называемой нарративной стратегией исторического настоящего времени при цитировании прямой речи. В примере (30в) временной план настоящего симметрично согласуется с первой частью, но затем был исправлен рассказчиком на более подходящее случаю давнопрошедшее неопределенное (PST1), что потребовало аналитической конструкции *əntim* со вспомогательным глаголом ‘быть’ в соответствующей аспектуально-модально-временной форме. Роль бытийного глагола ‘быть’ (как в примере (30в), так и в (31) ниже) следует понимать именно как вспомогательного глагола, несущего на себе соответствующую глагольную морфологию — темпоральные, аспектуальные и модальные флексии (ТАМ); в случае (30а), (30в) и (31) это одно из прошедших времен — давнопрошедшее неопределенное с маркером *-qal* ‘PST1’. Судя по всему, отрицательный бытийный предикат *əntim* используется в случае либо настоящего, либо давнопрошедшего неопределенного бессуффиксального времени [Gulya 1966: 94; Filchenko 2007: 424], в то время как в контексте морфологически маркированных прошедших времен (давнопрошедшее неопределенное на *-yal / -yäl* ‘PST1’, недавно прошедшее определенное на *-s* ‘PST2’, недавно прошедшее неопре-

деленное на *-yas / -yəs* ‘PST3’) используется конструкция со вспомогательным глаголом [*əntim + wəl-TAM* ‘быть’] или, следуя уже установленному формализму, [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]_(BE)].

(31) хант., вост., вас.

telefon ənt`im wəl-`qal
 телефон NEG_{EX} быть-PST1.3SG

‘Телефона (тогда) **не было**’ [Фильченко 2008].

В вопросительных пропозициях — в форме альтернативного вопроса собственной бытийной конструкции (32) — можно наблюдать расширение дистрибуции конструкции [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]_(BE)] в план настоящего времени: *wəlwəl qam əntim?* ‘есть или нет?’. Это, впрочем, можно интерпретировать как стремление к симметрии в двух контрастных частях альтернативного вопроса. В данном случае используется стандартная стратегия отрицания глагольной группы с маркером отрицания в непосредственной препозиции к финитному предикату со значением ‘быть’.

(32) хант., вост., вас.

tom qat-nə qoj `wəl-wəl, qam `əntə `wəl-wəl?
 DET дом-LOC INDF.PRON быть-PRS.3SG или NEG_{ST} быть-PRS.3SG

‘Там в доме кто-то **есть** или **нет?**’ [Фильченко 2008].

Этим отрицательные бытийные конструкции формально и прагматически приближаются к конструкциям стандартного отрицания. Как в примерах с именным предикатом, так и в рассмотренных примерах (30а—в), (31), (32) с отрицательными бытийными конструкциями маркер отрицания занимает место непосредственно перед именной частью (в соответствии с установленной моделью), ограничивая сферу действия отрицания качеством (пространственно-временной, качественной и т. д. характеристикой), выраженным именной ассерцией, в то время как пресуппозиционная часть пропозиции остается истинной. Так, в примере (30а) именно качественная характеристика ‘худой’ опровергается ассерцией (вследствие чего маркер отрицания предшествует атрибутиву), в то время как истинность самого существования референта как такового не опровергается. Соответственно, глагольный маркер отрицания *əntə* предшествует именному атрибутиву.

В нарративах последнего времени (возможно, под контактным влиянием русского языка) встречаются редкие примеры атрибутивных конструкций (разновидности бытийных в данном анализе) без бытийного предиката — как утвердительного, так и отрицательного. Такие пропозиции содержат только именную атрибут, которому предшествует маркер стандартного отрицания *əntə* (33а).

(33а) хант., вост., вас.

əntə `allə, `əj al
 NEG_{ST} большой один год

‘**Не большой, однолетка**’ [FYB: 037].

(33б) хант., вост., вас.

`ärki `əntə, `əj-al-i, əntə `ärki
 много NEG_{ST} один-год-DER NEG_{ST} много

‘**Много** (лет) — **нет, год** всего, **не много**’ [FYB: 037].

С другой стороны, следует отметить, что для современных восточнохантыйских естественных нарративов (как и для большинства других языков) характерны эллиптические пропозиции, содержащие только прагматическую ассерцию, в то время как пресуппозиция (топикальная информация) не выражена эксплицитно. Таким образом, примеры с бытийными конструкциями без глагола-копулы, подобные (33а) и (33б), можно отнести к проявлению общетипологической тенденции, соответствующей глобальному принципу экономии.

Кроме того, можно отметить, что в примере (33б) на вопрос собеседника ‘много ли (лет медведю было)?’ рассказчик дает отрицательный ответ: ‘нет, один год’. В этом случае речь идет об общеотрицательном высказывании, в котором маркер отрицания несет на себе фразовое ударение. Далее, в последней части примера (33б), следует самоисправление ‘не много’, которое содержит именную предикацию без бытийного глагола, структурно идентичную с первой частью (33а).

Наконец, при обсуждении отрицательных бытийных конструкций следует упомянуть достаточно редкий тип примеров аналитической конструкции, сходной с рассмотренной выше [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]_(BE)]; см. выше (30а—в), (31), (32). Отличием данного типа от уже рассмотренного является использование в качестве вспомогательного глагола *ji-* ‘становиться, превращаться’. Именной частью этой сложной предикативной конструкции служит отрицательный бытийный предикат *əntim* (обычно, в

крайне небольшом корпусе примеров, с предикативным аффиксом *-äki*, что в целом можно формально отразить моделью [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]]_(BECOME).

- (34) хант., вост., вас.
əntim-`äki ji-`yäl
 NEG_{EX}-PRED   статья-PST1.3SG
 ‘(Он(а)) умер(ла)’ [Фильченко 2008].

Очевидным семантическим отличием данной конструкции является общее результирующее значение состояния в результате события / изменения. Кроме того, в качестве мотивирующего фактора следует отметить культурный контекст — табуированность понятия ‘смерть’, в частности избегание использования буквального лексического эквивалента *qola-* ‘умирать, кончаться’.

Итак, на основе рассмотренных примеров можно заключить, что восточнохантыйские отрицательные бытийные пропозиции строятся при помощи специального отрицательного бытийного предиката *əntim* со значением ‘отсутствовать, не существовать’ по модели [NEG_{EX}(+PRED)].

С точки зрения морфосинтаксической симметрии восточнохантыйские отрицательные бытийные конструкции в целом демонстрируют черты симметрии (ср. с утвердительным (23а), также ср. последовательности «утверждение — отрицание» в примерах (30а—в) и (32)) — с условием замещения утвердительного бытийного глагола *wäl-* ‘быть, иметься’ отрицательным бытийным предикатом *əntim*, связанным этимологически с маркером стандартного отрицания *əntä*. К симметричным признакам можно отнести и опускание бытийных предикатов в духе общей тенденции к эксплицитному выражению только фокусной части пропозиции как наиболее релевантной, новой, непредсказуемой информации.

С другой стороны, к чертам асимметричным, очевидно, относится неполная парадигма отрицательного бытийного предиката, вызывающая необходимость в аналитических конструкциях с бытийным глаголом в качестве вспомогательного по модели [NEG_{EX}(+PRED) + AUX[FIN]], что вполне соответствует природе данного отрицательного бытийного предиката, который, вероятно, является застывшей причастной форме некоего исторического отрицательного глагола.

Последовательной дифференциации между собственно экзистенциальными и локативными¹³ конструкциями [Wagner-Nagy 2011: 205—207], релевантной для обсуждения функции отрицания, в рассмотренном восточнохантыйском материале не отмечается, за исключением очевидной тенденции в порядке слов в клаузе: [LOC THEME NEG_{EX}(+PRED)] для экзистенциальных (примеры (24), (25), (28)—(32)) и [THEME LOC NEG_{EX}(+PRED)] для локативных (примеры (26) и (27б)).

3.3.2. Южноселькупские отрицательные бытийные пропозиции

Отрицательные бытийные пропозиции в южноселькупских диалектах характеризуются определенной регулярностью: бытийный предикат всегда эксплицитно выражен в клаузе. Как отмечалось выше, в целях данного обсуждения экзистенциальные, локативные и посессивные семантические типы конструкций объединяются в один функциональный тип с единой структурной моделью — [LOC THEME V_{EX}] и [LOC THEME NEG_{EX}] соответственно (см. более подробное обсуждение в [Wagner-Nagy 2011: 223—225]).

В южноселькупских диалектах отрицательный бытийный предикат занимает позицию утвердительного предиката-копулы в конце клаузы (подобное наблюдается и в рассмотренных восточнохантыйских конструкциях); ср. (35а) и (35б).

- (35а) сельк., южн., вас.
amat mat-qin warg-ak fogor-m e-j-a
 1SG дом-LOC1 жить-1SG.SUB печка-POSS.1SG быть-PRS-3SG.SUB
 ‘Я в доме живу, печка у меня есть’ [MIFI: 040].

- (35б) сельк., южн., вас.
tat tfad kudi-n-nan-naj tfang-a tū
 2SG.GEN из-за кто-GEN-LOC2-NEG отсутствовать-3SG огонь
 ‘Из-за тебя ни у кого нет огня’ [MIFI: 079].

¹³ К локативным конструкциям здесь отнесены и (предикатно-)посессивные (predicate possessive), так как структурно они представляют собой типичные локативные конструкции с референтом-обладателем, выступающим в качестве квазипространственного ориентира расположения референта-обладаемого: ср. (32) — локативная конструкция, (30) — посессивная.

В нарративах последнего времени форма 3SG настоящего времени отрицательного бытийного предиката приобретает более широкую дистрибуцию как своего рода «форма по умолчанию» (вероятно, под контактным влиянием русского языка и в условиях общей языковой аттриции); см. (36а—в).

(36а) сельк., южн., нарым.

na ēd-ə-get kan`a-la `tfangu-a
 DET деревня-EP-LOC2 собака-PL NEG_{EX}-3SG
 ‘В этой деревне **нет собак**’ [SelNeg: 085].

(36б) сельк., южн., нарым.

na ēd-ə-get kan`a-la `netu-k
 DET деревня-EP-LOC2 собака-PL NEG_{EX}-3SG
 ‘В этой деревне **нет собак**’ [SelNeg: 084].

(36в) сельк., южн., нарым.

**ēd-ə-get kan`a-la `ā ē-j-a*
 деревня-EP-LOC2 собака-PL NEG_{ST} быть-EP-3SG
 *‘В этой деревне **нет собак**’ [SelNeg: 086].

Повсеместно, наряду с исконным *tfangu-*, используется, принимая селькупские глагольные словоизменительные показатели, русский исторический отрицательный бытийный предикат *нету* (36б). Конструкции со стандартным глагольным отрицанием бытийного глагола-копулы в принципе считаются неприемлемыми (36в). Следует, однако, отметить, что «грамматичность» подобных конструкций (со стандартным глагольным отрицанием бытийного предиката) допускается в импровизированных сложных пропозициях, где в финитных зависимых клаузах конструкции [NEG + COP] оказываются вполне допустимы — наравне с отрицательной бытийной конструкцией; см. (37а) vs. (37б) и (37в).

(37а) сельк., южн., нарым.

<nildzik i ē-j-a na kana-n> ā ē-j-a kiba kana-la
 DET.ADV и быть-EP-3SG DET собака-LOC NEG_{ST} быть-EP-3SG маленький собака-PL

(37б) сельк., южн., нарым.

<...> `tfangu-a kiba kan`a-la
 NEG_{EX}-3SG маленький собака-PL

(37в) сельк., южн., нарым.

<...> `netu-k kiba kan`a-la
 NEG_{EX}-3SG маленький собака-PL

‘Оказывается (букв.: так и есть), у этой собаки **нет щенков**’ [SelNeg: 052].

С точки зрения морфосинтаксической симметрии отрицательные бытийные конструкции в полной мере симметричны утвердительным конструкциям с глаголом обладания ‘держать, иметь, обладать’; ср. (38а) и (38б) ниже.

(38а) сельк., южн., ср.-обск.

tab-la warkī-z-at sūru-la-p war-z-at
 он-PL жить-PST-3PL животное-PL-ACC держать-PST-3PL
 ‘Они жили, скот держали’ [H-GM: 003].

(38б) сельк., южн., ср.-обск.

tab-la-nan el`mād-la tfangu-z-at
 он-PL-LOC2 ребенок-PL NEG_{EX}-PST-3PL
 ‘Детей у них не было’ [H-GM: 002].

Примеры со стандартным отрицанием при глаголе обладания не обнаруживаются — в том числе и при отрицании локативных конструкций с глаголами положения ‘сидеть’, ‘лежать’, ‘стоять’ в значении ‘находиться’ (39а). В отрицательных эквивалентах таких пропозиций используется рассмотренная модель с отрицательным бытийным глаголом [LOC THEME NEG_{EX}] (39б).

(39а) сельк., южн., нарым.

na tigi-t par-u-gat `fəsk-ə-n-ol `amd-a
 DET кедр-GEN верх-EP-LOC2 орех-EP-GEN-голова сидеть¹⁴-3SG
 ‘На этом дереве **шишки есть**’ [SelNeg: 151].

¹⁴ Локативные бытийные конструкции с глаголами положения ‘сидеть’, ‘лежать’ и др. в отношении неодушевленных референтов являются отличительной чертой тюркских языков Сибири и предметом многочисленных пуб-

(39б) сельк., южн., нарым.

na tigi-t par-u-gat ʃəʃk-ə-n-ol ʃʃangu-a
 DET кедр-GEN верх-EP-LOC2 орех-EP-GEN-голова NEG_{EX}-3SG
 ‘На этом дереве **шишек нет**’ [SelNeg: 153].

В отношении темпорально-аспектуального словоизменения отрицательные бытийные предикаты (как исконный, так и заимствованный) демонстрируют более полную парадигму, чем рассмотренные восточнохантыйские эквиваленты: в частности, в области локативных отрицательных конструкций отмечаются все основные глагольные флексии, свойственные утвердительному бытийному предикату; см. (38а), (38б), а также (40а), (40б) ниже.

(40а) сельк., южн., нарым.

kana-n ʃi ʃ-γ-a
 собака-GEN кость быть-PST-3SG
 ‘У собаки **была кость**’ [SelNeg: 036].

(40б) сельк., южн., нарым.

kana-n ʃi neʃtu-γ-a
 собака-GEN кость NEG_{EX}-PST-3SG
 ‘У собаки **не было кости**’ [SelNeg: 037].

Таким образом, на основе рассмотренных примеров можно заключить, что южноселькупские отрицательные бытийные пропозиции строятся при помощи специального отрицательного бытийного предиката *ʃʃangu-* ‘отсутствовать, не существовать’ по модели [LOC THEME NEG_{EX}]. С точки зрения морфосинтаксической симметрии южноселькупские отрицательные бытийные конструкции в целом демонстрируют черты симметрии (ср. с утвердительным примером (23б)) — с условием замещения утвердительного бытийного глагола *ʃ-* ‘быть, иметься’ отрицательным бытийным предикатом. К симметричным чертам также относятся и сравнимые парадигмы утвердительного и отрицательного бытийных предикатов, что свидетельствует об очевидной глагольной природе отрицательного бытийного предиката.

Последовательной дифференциации между собственно экзистенциальными, локативными и посессивными конструкциями [Wagner-Nagy 2011: 205—207], релевантной для обсуждения функции отрицания, в рассмотренном южноселькупском материале не отмечается, за исключением очевидной тенденции в относительном порядке элементов в клаузе: [LOC THEME NEG_{EX}] для экзистенциальных конструкций (примеры (36), (38—40)), [THEME LOC NEG_{EX}] или [LOC NEG_{EX} THEME] для локативных (примеры (35), (37) и (41) ниже).

(41) сельк., южн., ср.-обск.

n'en'n'a-la-t ʃer-b-at māt, tab-la-n n'en'n'a ʃʃangu-s māt-qit
 сестра-PL-POSS.3SG войти-PST-3PL дом он-PL-GEN сестра NEG_{EX}-PST дом-LOC1
 ‘Сестры в дом вошли, их сестры дома не было’ [H-GM: 064].

3.4. Отрицательные модальные / вспомогательные слова

Обе системы располагают очень ограниченным инвентарем лексических единиц (вероятно, лишь одной лексемой) с имплицитным отрицательным значением, использующихся в качестве модальных глаголов в рамках предикативной модели [LV_{INF}-AUXV_{FIN}] — с инфинитивной формой основного лексического глагола и финитной формой отрицательного модального глагола (чаще всего со значением отсутствия физической (42а), (43а) или умственной (42б), (43б) способности). Такая модель свидетельствует о морфосинтаксической симметрии утвердительных и отрицательных модальных конструкций; ср. примеры отрицательных конструкций (42а), (42б), (43а), (43б) и утвердительной (42в), (43в).

(42а) хант., вост., вас.

täl-tä kür-s-im
 тянуть-INF не.мочь-PST2-1SG/SG
 ‘Я (его) **вытащить не мог**’ [Терешкин 1981: 131].

ликаций; среди прочих см.: [Дульзон 1960, 1966, 1977; Абдрахманов 1970; Li et al. 1976; Бирюкович 1980, 1984, 1986; Гаджиева, Бирюкович 1983; Серебренников, Бирюкович 1984; Лемская 2012] (автор благодарен Флориану Зигелю за привлечение внимания к этому вопросу).

- (42б) хант., вост., вас.
män-nə`kür-t-im loŋo-ta jüü knišk-al
 1SG-LOC не.мочь-DER-1SG/SG читать-INF 3SG книга-3SG
 ‘Я не умею / не могу читать его книгу (на иностранном языке)’ [Фильченко 2008].
- (42в) хант., вост., вас.
`qat wer-tä`on-wəl
 дом делать-INF знать/уметь-PRS.3SG
 ‘(Он(а)) может дом построить’ [Фильченко 2005].
- (43а) сельк., южн., вас.
tabit tü-p tƒadi-gu tƒedalba-dit
 3PL огонь-ACC зажечь-INF не.мочь-3PL
 ‘Они не могут разжечь огонь’ [MIFI: 040].
- (43б) сельк., южн., нарым.
man as tun-wa-n kadza sən t`alimbi-gu
 1SG NEG_{ST} мочь-PRS-1SG русский язык говорить-INF
 ‘Я не умею / не могу говорить по-русски’ [Быконя 2005: 244].
- (43в) сельк., южн., нарым.
tab tan-w-at`ıaj-p mē-gu
 3SG мочь-PRS-3SG.OBJ хлеб-ACC делать-INF
 ‘Он(а) может / умеет хлеб печь’ [Быконя 2005: 231].

В свете данных последнего времени порядок элементов предикативной модели может быть изменен с [LV_{INF} AUXV_{FIN}] (42а), (43а) на обратный [AUXV_{FIN} LV_{INF}] (42б), (43б). Подобная инверсия может быть интерпретирована как контактное влияние русского языка (для которого типичен порядок [AUXV_{FIN} LV_{INF}]), так как все носители восточнохантыйских и южноселькупских диалектов являются билингвами. Другим объяснением может служить определенная синтаксическая дифференциация конструкций со значением физической способности (с более фиксированным синтаксисом — [LV_{INF} AUXV_{FIN}]) и конструкций со значением умственной способности (с более свободным синтаксисом — [LV_{INF} AUXV_{FIN}] / [AUXV_{FIN} LV_{INF}]). Подтверждением последнего положения могут служить примеры типа (43б) и (44), представляющие собой стандартное отрицание утвердительного модального глагола умственной способности по модели [NEG_{ST} + AUXV_{FIN}(CAN / KNOW)], где за глаголом следует комплемент в виде глагольной группы (вместо отрицательного модального глагола той же, но более общей семантики: хант. вост. *kür-*, сельк. южн. *tƒedalba-* ‘не мочь / не умееть’).

- (44) хант., вост., вах.
tulpul, əntə onəl-ƒas-ən qul-oŋ tin wə-tä!
 дурень NEG_{ST} уметь-PST1-2SG рыба-PROL выкуп взять-INF
 ‘Дурень, (ты) не смог взять у рыбки выкуп!’ [Gulya 1966: 139].

Более подробное обсуждение порядка следования элементов модальной предикативной группы (как утвердительной, так и отрицательной) имеется в работе [Wagner-Nagy 2011: 113—115, 127].

3.5. Отрицание при императиве (прохибитивы)

В отрицательных пропозициях повелительного наклонения, содержащих запреты (прохибитивах), в обеих системах используется стратегия отрицания, при которой глагольному предикату в морфологической форме императива предшествует специальный маркер императивного отрицания, отличный от маркера стандартного отрицания; ср. примеры императива (6б), (7) и прохибитива (45а), (45б), (46а), (46б). Такими маркерами отрицания императива (NEG_{IMP}) являются *äl* для восточнохантыйских диалектов и *ig / ik / iŋ* для южноселькупских.

- (45а) хант., вост., вас.
`män-oŋ qoq-qə-pa`äl mən-ä
 1SG-PROL далеко-PRED-ALL NEG_{IMP}идти-IMP.2SG
 ‘Далеко от меня не отходи!’ [Фильченко 2008].
- (45б) хант., вост., вас.
tƒəkə sem-en-kə tiŋl-ä äljöŋ-itən
 очень сердце-COM-PRED здесь-ILL NEG_{IMP}приходить-IMP.2DU
 ‘Сильно смело сюда не подходите (вы двое)!’ [OM2WM: _039].

Маркеры императивного отрицания всегда несут на себе фразовое ударение и предшествуют глагольному предикату.

(46a) сельк., южн., ср.-обск.
ma-f-ep ik tʃ'aʃk-l'el
 1SG-EP-ACC NEG_{ST} стрелять-IMP.2SG.OBJ
 'Не стреляй в меня!' [H-GM: 7a].

(46б) сельк., южн., ср.-обск.
ik t'ur-l'end
 NEG_{ST} плакать-IMP.2SG.SUB
 'Не плачь!' [H-GM: 37].

(46в) сельк., южн., нарым.
`aya (ā) lər-iš
 NEG_{ST} петь-IMP.2SG
 'Не пой!' [SelNeg: 103].

На материале примеров (46a), (46б) vs. (46в) следует отметить, что, вероятно, в последнее время в южноселькупских диалектах сфера дистрибуции маркера стандартного отрицания *aya / ā* расширяется за счет императива, т. е. допускается использование этого маркера в императиве наряду с более традиционным собственно императивным маркером отрицания *ig*¹⁵ [Беккер и др. 1995].

Зависимости в кодировании прохибитивов от категориальных значений глагольных предикатов (ТАМ) в морфосинтаксическом плане не обнаруживается. Императивы и прохибитивы (как неутвердительные речевые акты с мощным манипуляционным значением) ассоциированы с планом ирреалиса — они обращены к состояниям или событиям, временной план которых следует за моментом речи (т. е. событиям проецируемым, ожидаемым в будущем). Таким образом, область действия отрицания в прохибитивах распространяется на всю глагольную фразу или на всю пропозицию, «добиваясь» неистинности или предотвращения события, выраженного основой глагольного предиката.

Итак, можно отметить, что обе системы демонстрируют признаки морфосинтаксической симметрии между императивами и прохибитивами. Наличие специального маркера отрицания императива, который не связан этимологически с маркером стандартного отрицания, свидетельствует о принадлежности обеих систем к типу II по типологии прохибитивов [van der Auwera, Lejeune 2005]. Само наличие специального маркера отрицания при императиве — явление, типологически не очень распространенное, но в достаточной мере описанное [Givon 2001: 317].

3.6. Отрицание при вопросительных высказываниях

В отрицании при вопросительных клаузах обе системы демонстрируют морфосинтаксическую симметрию с неотрицательными клаузами. Наиболее типично маркер стандартного отрицания используется в препозиции к глагольному предикату. Функциональные особенности связаны с использованием отрицания при бытийных вопросительных пропозициях.

Так, в восточнохантыйских диалектах, как отмечалось выше, при бытийных пропозициях, включая вопросительные (47a—д), бытийные предикаты: глагол-копула (47б), (47г), (47д) и глагол обладания (47в) — могут быть эксплицитно не выражены. Такая ситуация недопустима в пропозициях с отрицанием (47е—и), где отрицательный бытийный предикат обязательно эксплицитен. Кроме того, в то время как в неотрицательных вопросительных пропозициях бытийный / посессивный предикат (когда он выражен эксплицитно) обладает полной глагольной парадигмой, отрицательный бытийный предикат *əntim* для выражения соответствующих глагольных грамматических категорий используется в аналитических конструкциях с бытийным глаголом в качестве вспомогательного, несущего на себе словоизменительную глагольную морфологию — ТАМ и лично-числовые показатели (см. выше раздел «Отрицание при бытийных пропозициях»).

(47a) хант., вост., вас.
qunta noʃol-l-ətəʊ
 когда отправиться-PRS-2PL
 'Когда вы уезжаете?' [TS: 312].

¹⁵ По данным недавних полевых материалов (2011 г.), как при опросах, так и при импровизированных высказываниях носители языка (русско-селькупские билингвы) воспринимали маркеры отрицания *ig* и *ā* как свободную вариацию [Фильченко 2011б].

- (47б) хант., вост., вас.
niŋ qoʒi werəŋ-ot (wə-s-ən)
 2SG кто маленький-вещь-быть-PST2-2SG
 ‘Ты чей сын?’ [TS: _332].
- (47в) хант., вост., вас.
os min müyüli-äyi
 опять 1DU что-PRED
 ‘А у нас что?’ [TS: _251].
- (47г) хант., вост., вас.
müyünə fəti
 как DET
 ‘Как так?’ [TS: _192].
- (47д) хант., вост., вас.
qu-j-ən müyäləŋ jəm lop-ali
 мужчина-EP-2SG который хороший одежда-DIM
 ‘Какой из костюмов твоего мужа хороший?’ [TS: _144].
- (47е) хант., вост., вас.
əj feyləw müyi faj əntəm
 один вид какой одежда NEG_{EX}
 ‘Одинаковой одежды разве не бывает?’ [TS: _206].
- (47ж) хант., вост., вас.
əj feyləw müyi jaŋ əntəm
 один вид какой люди NEG_{EX}
 ‘Одинаковых людей разве не бывает?’ [TS: _207].
- (47з) хант., вост., вас.
müyünə əntəm-äki orti fforas-qu
 какой NEG_{EX}-PRED богатый купец (торговать-человек)
 ‘Этот богатый купец что тут делает?’ [TS: _161].
- (47и) хант., вост., вас.
müyünə fəti potinka pel'k-əm ənt-əm
 какой DET ботинок часть-1SG NEG_{EX}
 ‘Почему только один мой ботинок здесь?’ [TS: 120].

Ситуация в южноселькупских диалектах в целом сравнима с рассмотренными восточнохантыйскими данными: в духе морфосинтаксической симметрии (ср. пример (48а)) в вопросительных пропозициях с отрицанием используется маркер стандартного отрицания в препозиции к соответствующему элементу клаузы, чаще всего глагольной группе (48б). Одним из отличий от восточнохантыйских данных является то, что южноселькупский бытийный отрицательный предикат *tfangu-* имеет принципиально более полную парадигму, включая временные и аспектуальные формы (см. выше раздел «Отрицание при бытийных пропозициях»).

- (48а) сельк., южн., ср.-обск.
qaj ēʒal-gw-a warg ol
 что сказать-НАВ-3SG большая голова
 ‘Что тот царь (большая голова) сказал?’ [H-GM: 039].
- (48б) сельк., южн., ср.-обск.
qaj warg ol aza me-kku-t nē-m-d
 что большой голова NEG_{ST} дать-НАВ-3SG/SG дочь-ACC-3SG
 ‘Что, царь (большая голова) не дает свою дочь?’ [H-GM: _026].
- (48в) сельк., южн., нарым.
ta-nan paʒa `ē-j-a ali `tfangu-a | `netu-k
 2SG-LOC1 старушка быть-EP-3SG или NEG_{ST}-3SG NEG_{ST}-3SG
 ‘У тебя жена есть или нет?’ [SelNeg: 089].

3.7. Отрицание при неопределенных местоимениях

Ситуация с отрицанием при неопределенных местоимениях в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах обнаруживает определенную дифференциацию двух систем.

3.7.1. Отрицание при неопределенных местоимениях в восточнохантыйских диалектах

В восточнохантыйских диалектах специальные отрицательные формы местоимений отсутствуют, а соответствующие значения кодируются частноотрицательными конструкциями с неопределенными местоимениями и маркером стандартного или бытийного отрицания (49); см. также (10в), (10д), (14), (24), (30в), (32) выше. Таким образом, в восточнохантыйских диалектах применяется синтаксическая стратегия стандартного отрицания [Dahl 1979].

(49) хант., вост., вас.

müy ülinə wer-tä əntə ʼonol-l-əm
что-то   делать-INF   NEG_{ST}   знать-PRS-1SG

‘Я **ничего** делать **не умею**’ [Фильченко 2008].

Сами восточнохантыйские неопределенные местоимения составляют небольшой класс проформ, многие из которых могут использоваться в качестве вопросительных местоимений. К наиболее типичным представителям класса принадлежит в частности *mätä* ‘некий, какой-то, что-то’, а также в вопросительном значении ‘какой, который?’.

(50а) хант., вост., вас.

mätä qu-j-ən mən-wəl?
что-то   мужчина-EP-LOC   идти-PRS.3SG

‘Кто (из вас мужчин) пойдет?’ [Терешкин 1981: 276].

(50б) хант., вост., вас.

mätä pučəl-nə wəl-wən?
что-то   деревня-LOC   жить-PRS.2SG

‘В какой деревне (ты) живешь?’ [Терешкин 1981: 276].

Производные проформы с участием *mätä* ‘некий, какой-то, что-то’ строятся на основе простой позиции лексеме с абстрактным значением времени, пространства, способа действия, меры и т. д.: *mätä-länə* ‘иногда, когда-то’; *mätä-sayı* ‘как-нибудь, хоть как’; *mätä-kürät* ‘сколько-то, немного’; *mätä-tfim* ‘несколько, хоть сколько, хоть как-то’ и т. д.

(51а) хант., вост., вас.

mä mätä köl əntə at-kas-əm
1SG   что-то   слово   NEG_{ST}   идти-PRS.3SG

‘Я не сказал ни слова’.

(51б) хант., вост., вас.

mä mätä-kürät nüŋ itʃəw kürät
1SG   сколько-то   2SG   также   примерно

‘Сколько ты, столько и я’.

(51в) хант., вост., вас.

mätä-sayı wer-l-im
как-то   делать-PRS-1SG

‘Как-нибудь сделаю’.

(51г) хант., вост., вас.

mä mätä-tfim qul əjnäm wel-s-im
1SG   хоть.сколько   рыба   однажды   добыть-PST2-1SG

‘Я бывало разную рыбу ловил’ [Терешкин 1981: 276—277].

Одно из производных образований — *mätäli*, — являясь, скорее всего, формой диминутива, образует проформу с наиболее общим неопределенным значением ‘хоть что, что-то, ничто’ и встречается только в контексте отрицания.

(52а) хант., вост., вас.

mätäli-tə toyı əl ari-ta
что-то-PL   прочь   NEG_{ST}   сломать-IMP.2SG

‘Не разбей ничего / чего-нибудь / все!’ [Терешкин 1981: 277].

(52б) хант., вост., вас.

mä mätäli əntə wər-l-əm
1SG   что-то   NEG_{ST}   делать-PRS-1SG

‘Я ничего / чего-либо не делаю’ [Терешкин 1981: 277].

Наконец, существует класс примеров, где в контексте отрицания используются проформы с аффиксом *-p / -ap / -pə*.

(53a) хант., вост., вас.

mətäli-p äntəm

что-то-*pə* NEG_{EX}

‘Ничего нет’ [Терешкин 1981: 277].

(53б) хант., вост., сург.

wiči-pə äntə ejkrämtə-l

всегда-CLIT NEG.PTCL смотреть-PRS.3SG

‘Он(а) никогда не смотрит’ [Csepregi 1998: 41]¹⁶ (цит. по [Wagner-Nagy 2011: 77]).

В некоторых источниках данный аффикс / клитика наделяется отрицательным значением и / или статусом отрицательной клитики [Терешкин 1981; Wagner-Nagy 2011: 78]. Об этом может свидетельствовать высокая частотность этого аффикса / клитики в отрицательных пропозициях, а также примеры, где данная морфема, судя по всему, является единственным формальным маркером отрицания [Wagner-Nagy 2011: 78].

(54) хант., вост., сург.

qu-jə-l-pə lŷw-nam qət-nə wäl-l

муж-EP-2SGPX-CLIT 3SG-RFL дом-LOC быть-PRS.3SG

‘У нее нет мужа’ (букв.: ‘Нет мужа в ее доме’) [Csepregi 1998: 41] (цит. по [Wagner-Nagy 2011: 78]).

Данное явление в сургутском диалекте интерпретируется как реанализ (reanalysis) изначально эмфатического показателя как вторичного маркера отрицания, а при некоторых условиях — единственного (в тех случаях, когда стандартный маркер отрицания или отрицательный бытийный предикат эксплицитно не выражен) [Wagner-Nagy 2011: 77—78]. Подобного рода явление реанализа типологически распространено; за ним закрепился термин «цикл Есперсена», при котором допустима грамматикализация вторичного маркера отрицания из морфем другой (чаще эмфатической) семантики [Dahl 1979; Wagner-Nagy 2011].

На материале других восточных: васюганского, александровского и ваховского — диалектов хантыйского языка эта интерпретация, однако, не подтверждается. Следует также отметить, что и в указанном сургутском диалекте примеры данного типа единичны. Вероятно, возможен и более консервативный анализ примеров данного типа как использование показателя *-pə* в качестве эмфатического маркера фокуса, сродни показателю *-то* в русском языке. В остальном речь идет об использовании проформ в общем неопределенном значении или имен в стандартных отрицательных высказываниях.

(55) хант., вост., вас.

rätŷ tŷ-l-a taŷ-l-a läŷəm-ŷən qoj-pə äntəm

старик здесь-3SG-ILL там-3SG-ILL взглянуть-PST0.3SG кто-EMPH NEG_{EX}

‘Старик туда-сюда посмотрел — никого нет’ [FA&SON: 008].

Очевидно, что отрицательное значение форм с *-pə* свойственно, скорее, всей пропозиции, а не самой морфеме *-pə*, которая всегда подразумевает присутствие маркера стандартного отрицания или отрицательного бытийного предиката.

(56) хант., вост., вас.

⟨...⟩ *mätä köl-pə äntə toloy-wəl*

какой-то слово-EMPH NEG_{ST} сказать-PRS.3SG

‘⟨...⟩ (Русалка) ни слова не говорит’ [BOY: 022].

Нужно отметить, что дистрибуция показателя *-pə* не ограничивается контекстом отрицания и неопределенными проформами [Gulya 1966: 95]; см. пример (57).

(57) хант., вост., вас.

məŷəm-pə təŷə-j-nə mən-wəl-t wont oŷtŷ saŷtŷ

только-EMPH место-EP-LOC идти-PRS.3SG-3PL лес верхушка путь

‘Только в некоторых местах идут по гривню (хребту)’ [SAB-TOL-KOM: 014].

¹⁶ В примерах (53б) и (54) приводится оригинальное глоссирование М. Csepregi [Csepregi 1998] (цитируется по [Wagner-Nagy 2011]); свободный перевод на русский язык дан А. Ю. Фильченко.

Статистически данный эмфатический показатель *-pə* имеет достаточно низкую частотность: в среднем 5/100 клауз (1—2 / 1 текст), из которых 75% — в контексте отрицания, а 25% — в неотрицательных высказываниях; 50% — с неопределенными (53а) и вопросительными (55) проформами, 25% — с личными проформами (59), 25% — с именами (54), (56) и наречиями (53б), (57), (58). При этом средняя частота отрицания в восточнохантыйских текстах составляет 8/100 клауз.

(58) хант., вост., вас.

pəy-l in-pə jayəntə-kətə-yən ajri juɣ wej morəmta-yən
сын-3SG только-EMPH грести-INCH-PST0.3SG обласок дерево черен сломаться-PST0.3SG
'Они в лодку вскочили, сын только начал грести — весла черен сломался' [FA&SON: 013].

(59) хант., вост., вас.

töyət wətf'-imt-yən tʃ'u rayəw jüy-näm-pə wətf'-imt-äyən
огонь вспыхнуть-MMNT-PST0.3SG DET сразу 3SG-RFL-EMPH вспыхнуть-MMNT-PST0.3SG
'... Огонь вспыхнул, (и он) тут же сам вспыхнул' [G&B: 006].

Аффикс *-pə* также может использоваться и с самим маркером стандартного отрицания с очевидной эмфатической производной коннотацией.

(60) хант., вост., вас.

`əntə-pə söyön təylä-äyən, il-pə `əntə rəqət-ətə
NEG_{ST}-FOC сумка трогать-PST0.3SG перед-EMPH NEG_{ST} бросить-PST0.3SG/SG
'Даже не тронул сумку, ничего не выбросил (ничего) наружу! [BearStay: 061].

Кроме того, аффикс *-pə* частотен (но не обязателен) в императиве, равно как и в индикативе.

(61а) хант., вост., вас.

qunt-a ju-wən?
когда-ILL прийти-PRS.2SG
Когда придешь? [EKhNeg].

(61б) хант., вост., вас.

qunta-pə äl ju-yət-a!
когда-EMPH NEG прийти-CMPL-IMP.2SG
Никогда не приходи! [EKhNeg].

Возможно, в отношении примеров данного типа применима характеристика асимметричных отрицательных конструкций типа А / EMPH [Miestamo 2005: 109; Wagner-Nagy 2011: 57], где асимметрия выражается в необходимости некоторого эмфатического элемента (необязательного в утвердительном эквиваленте), который сам по себе не несет отрицательного значения.

3.7.2. Отрицание при неопределенных местоимениях в южноселькупских диалектах

Существенным отличием южноселькупских диалектов от восточнохантыйских в вопросе отрицания при неопределенных местоимениях является использование неопределенных местоимений с показателем *-naj* и с производным общим эмфатическим / отрицательным значением. Можно сказать, что в южноселькупских диалектах применяется комбинация из морфологической и стандартной синтаксической стратегий отрицания [Dahl 1979], так как в остальном морфосинтаксис отрицательной пропозиции имеет уже известный вид стандартного глагольного или бытийного отрицания (62а—д). Детальная этимология показателя *-naj* является предметом отдельного рассмотрения.

(62а) сельк., южн., нарым.

kod-to `tö-mb-at natfat and-i-ye
кто-FOC прийти-PSTN-3PL DET.LOC лодка-EP-COM
'Кто-то **приехал** (на лодке)' [SelNeg: 127].

(62б) сельк., южн., нарым.

`kod-naj `ā tö-mb-aq natfat
кто-NEG NEG_{ST} прийти-PSTN-3SG DET.LOC
'Туда **никто не пришел**' [SelNeg: 129].

(62в) сельк., южн., нарым.

mat `kod-naj `ā konzər-n-am
1SG кто-NEG NEG_{ST} видеть-PRS-1SG/SG
'Я **никого не видел**' [SelNeg: 130].

(62г) сельк., южн., нарым.

taw kanak `kuzan-naj `ā mud-a
DET собака когда-NEG NEG_{ST} лаять-3SG
'Эта собака **никогда не лает**' [SelNeg: 136].

(62д) сельк., южн., нарым.

nind   *ˈkajm-naj*   *tʃobir*   *ˈtʃangu-a* / *ˈnetu-k*
здесь   какой-NEG   ягода   NEG_{EX}-3SG   NEG_{EX}-3SG
‘Здесь **никаких** ягод **нет**’ [SelNeg: 143].

Данные пары неопределенных и производных отрицательных неопределенных местоимений (с показателем *-naj*) в южноселькупских диалектах можно рассматривать как единственное проявление отрицательной полярности (negative polarity) в рассматриваемых системах.

Во всех подобных примерах данные производные проформы имеют очевидную отрицательную семантику. Деривация подобного рода может наблюдаться и в северных самодийских языках (ненецком и нганасанском) [Wagner-Nagy 2011].

3.8. Морфологическое отрицание при именах: абессив (каритив)

И южноселькупские, и восточнохантыйские диалекты характеризуются обширной системой именных падежей, в основном пространственного типа. Кроме того, как в восточнохантыйских, так и в южноселькупских говорах представлены комитатив (инструменталис) и абессив (каритив), показателями которого являются восточнохантыйский аффикс *-ləu* и южноселькупский *-galk*. Падежный статус некоторых из этих форм является предметом обсуждения [Helimski 1998; Gusev forthc.], так как существуют определенные ограничения на дистрибуцию данных показателей с показателями числа и притяжательности, однако этот вопрос не является предметом настоящего обсуждения.

(63а) хант., вост., вас.

kör-ləu   *qu*
нога-ABES   мужчина
‘одноногий / безногий человек’ [Filchenko 2007]

(63б) сельк., южн., нарым.

paja-ldziga-t   *wargi-γ-a*   *hiˈdzaro-galk*   *mad-kit*
старуха-DIM-3SG   жить-PST-3SG   окно-ABES   дом-LOC2
‘Старуха жила в доме **без окон**’ [SelNeg: 114].

Семантика данных именных форм вполне очевидна и формально иллюстрируется моделью ‘без X’, где X — это значение именной основы. Глагольные формы с данным показателем не типичны, даже нефинитные (причастные), которые достаточно свободно используются с другими падежными показателями, в частности различного рода пространственных значений.

4. Отрицание всей пропозиции — общеотрицательные клаузы

Вся пропозиция также может быть в сфере действия отрицания — в тех случаях, когда истинность всей пропозиции опровергается отрицательной ассерцией. Наиболее типичными примерами пропозиций такого рода являются отрицательные ответы на общие полярные вопросы типа «да / нет». В таких случаях как в восточнохантыйских (64), (65б), так и в южноселькупских (66б) диалектах маркер стандартного отрицания используется в качестве общеотрицательного слова ‘нет’.

(64) хант., вост., вас.

ˈəntə, *tʃi*   *əntə*   *ˈqaqi*   *wajaj*,   *tətə*   *qaˈsi*   *tʃil-wəl*
NEG_{ST}   DET   NEG_{ST}   младший.брат   зверь   DET   человек   кричать-PRS.3SG
‘**Нет**, это не **медведь** (младший брат) орет, это **человек** кричит’ [NST:_016].

(65а) хант., вост., вас.

ˈinl-a!
сидеться-IMP.2SG
‘Садись!’ [OMC:_005].

(65б) хант., вост., вас.

ˈəntə, *män-nə*   *pəsˈkäri*   *mas-wəl*
NEG   1SG-LOC   быстро   надо-PRS.3SG
‘**Нет**, мне **быстрее** надо’ [OMC:_006].

(66а) сельк., южн., нарым.

tat   *ˈawər-b-and?*
2SG   есть-PSTN-2SG
‘Ты **наелся?**’ [SelNeg: 122].

(66б) сельк., южн., нарым.

ˈā,   *ˈā*   *ˈawər-n-ak*
NEG   NEG_{ST}   есть-PRS-1SG
‘**Нет**, (я) **не наелся**’ [SelNeg: 123].

Отрицательные ответы на неотрицательные вопросительные пропозиции зачастую могут содержать только частноотрицательную ассерцию (исправление) — без общеотрицательного ‘нет’ (67б).

(67a) сельк., южн., нарым.

na ʔqaj, ʔhər?

DET что снег

‘Это **что, снег?**’ [SelNeg: 090].

(67б) сельк., южн., нарым.

*na ʔā hər, na ʔtfapt*DET NEG_{ST} снег DET роса‘Это **не снег, это роса**’ [SelNeg: 091].

Подобным же образом обстоит дело и в ответах на вопросы с отрицанием при глагольном предикате (68a): как положительный, так и отрицательный ответы могут содержать собственно корректную ассерцию (в отрицательном случае — частноотрицательную клаузу со стандартным отрицанием) без общеотрицательного ‘нет’ (68б) или утвердительного ‘да’ (68в), последний отсутствует как таковой.

(68a) сельк., южн., нарым.

*tat ʔā kondal-b-iḡ-ant?*2SG NEG_{ST} спать-DUR.IPRFV-PST-2SG‘Ты **не выспался?**’ [SelNeg: 124].

(68б) сельк., южн., нарым.

*ʔā kondal-b-iḡ-ak*NEG_{ST} спать-DUR.IPRFV-PST-1SG‘(Я) **не спал**’ [SelNeg: 125].

(68в) сельк., южн., нарым.

ʔaək kondal-b-iḡ-am

хорошо спать-DUR.IPRFV-PST-1SG

‘(Я) **хорошо** поспал’ [SelNeg: 126].

Утвердительные ответы на вопросы, в которых присутствуют эквативы или предикаты-посессивы (69a), наиболее типично содержат утвердительную ассерцию в виде подобного же экватива или предиката-посессива, зеркально отражая структуру вопроса (69б).

(69a) сельк., южн., нарым.

*na ʔā pək-a-t watt?*DET NEG_{ST} лось-EP-GEN след‘Это **не лося след?**’ [SelNeg: 121].

(69б) сельк., южн., нарым.

ʔpək-a-t

лось-EP-GEN

‘(Это) **лося (след)**’ [SelNeg: 122].

5. Периферийные явления в области отрицания

К периферийным явлениям в типе имплицитно отрицательных конструкций можно отнести восточнохантыйскую конструкцию ‘чуть не’ (70) и южноселькупскую ‘еще не’ (71a), (71б), имеющие значения ‘не истинно вопреки ожиданию’ или ‘не истинно вопреки видимости’.

(70) хант., вост., вас.

mä-n kätʃ ʔqayrəmta-ḡal, kätʃ il ni rimeḡ-ḡal

1SG-ACC почти поймать-PST1.3SG почти низ схватить-PST1.3SG

‘Он(а) **чуть не поймал(а)** меня, **чуть не затащил(а)** (туда) вниз’ [ST: 128].

Как в восточнохантыйских (70), так и в южноселькупских диалектах (71a), (71б) эксплицитный маркер отрицания отсутствует, а семантика неистинности пропозиции присутствует имплицитно — в рамках лексем ‘чуть не’ и ‘еще не’ соответственно, так как в остальном пропозиции данного типа полностью симметричны (морфосинтаксически) своим утвердительным эквивалентам.

(71a) сельк., южн., нарым.

*na ka`nak ā ʔogol-oldz-ə-mbi-l ka`nak*DET собака NEG_{ST} учить-CAUS-EP-PST-ADJ собака

‘Эта собака еще не обучена (совсем, и уже не сможет)’ [SelNeg: 077].

(71б) сельк., южн., нарым.

na ka`nak ta`rā ʔogol-oldz-ə-mbi-l ka`nak

DET собака еще.не учить-CAUS-EP-PST-ADJ собака

‘Эта собака еще не обучена (но может)’ [SelNeg: 078].

(71в) сельк., южн., нарым.

na ka`nak ʔogol-oldz-ə-mbi-l (ka`nak)

DET собака учить-CAUS-EP-PST-ADJ (собака)

‘Эта собака обучена’ [SelNeg: 076].

Что касается южноселькупской конструкции, то, скорее всего, существует определенная дифференциация в аспектуально-модальном отношении между пропозициями со стандартным отрицанием *ā* ‘не X’ и *tarā* ‘еще не X’. В частности, некое состояние, событие или действие X в случае с *tar-ā* ‘еще не X’ последовательно считается нереальным, но ожидаемым и возможным, в то время как в случае стандартного отрицания с *ā* ‘не X’ такое состояние, событие или действие X нужно считать уже не достижимым и невозможным; ср. примеры (71a) и (71б). Отнесение конструкций данного типа к имплицитно отрицательным дискуссионно. Следует, однако, отметить, что содержание этих примеров, безусловно, имеет отрицательное значение.

Принципиально к общеотрицательным может быть отнесен и тип примеров (72)—(74), представляющих имплицитно отрицательные эмфатические риторические вопросы.

(72) хант., вост., вас.

quntā mā nōŋ-ə loŋos-l-əm
когда 1SG 2SG-INSTR.O ударить-PRS-1SG

‘Когда я тебя ударила?!’ (‘Никогда я тебя не била!’) [B&M: 006].

(73) сельк., южн., ср.-обск.

na qaj ī na pēge
это какой сын это рябчик

‘Какой это сын?! Это рябчик!’ (‘Он не сын!’) [H-GM: 010].

(74) сельк., южн., ср.-обск.

kod tab-se wark-ēnž-a
кто 3SG-COM жить-FUT-3SG.SUB

‘Кто с ним будет жить?’ (‘Никто не будет с ним жить!’) [H-GM: 039].

6. Отрицание при смешении / переключении кодов

В контексте повсеместного билингвизма носителей обоих рассматриваемых языков отрицание, как и другие аспекты организации данных языковых систем, предсказуемо свидетельствует о контактном взаимодействии с доминирующим русским языком. Русские маркеры отрицания *ni / ne* имеют достаточно высокую частотность, в особенности в импровизированной речи более молодых носителей (например, при отрицании именной группы).

(75) хант., вост., вас.

a temi ni `mōytək, ni pə`tʃi, ni `aŋərnəŋ, ni `sart ənt`ə-m wəl-`qal
a DET NEG елец NEG окунь NEG язь NEG щука NEG-PP быть-PST1.3SG

‘А там **нет** ни **ельца**, ни **окуня**, ни **язя**, ни **щуки**’ [Фильченко 2008].

При этом восточнохантыйская система демонстрирует также признаки определенной грамматической конвергенции — изменение стратегии отрицания по аналогии с русским языком и переход к использованию двойного отрицания отдельно именной и глагольной групп.

В южноселькупских диалектах уже отмечался такой признак смешения кодов, как параллельное использование заимствованного отрицательного бытийного предиката *netu-* ‘нет(у)’ наряду с исконным *tʃangu-* ‘отсутствовать’; ср. примеры (36б), (37в), (40б) vs. (35б), (36а), (37б), (38б), (39б), (41). Кроме того, также был упомянут процесс, который можно охарактеризовать как проявление грамматической конвергенции в тенденции к чрезмерной нормализации, проявляющейся в расширении дистрибуции маркера стандартного отрицания *ā* (*āyā*) за счет специального маркера отрицания при императиве (прохитив) *ig* (см. раздел «Отрицание при императиве»). К другим проявлениям конвергенции можно отнести вариативность в порядке следования элементов в постпредикативных компонентах и нефинитных клаузах; см. пример (37а). Эту вариативность также можно отнести к следствиям контактного взаимодействия с русским языком.

7. Заключение

В контексте существующих типологических исследований отрицания восточнохантыйские и южноселькупские данные в основном демонстрируют черты, ожидаемые с точки зрения генетически родственных угорских и самодийских языков [Wagner-Nagy 2011], а также с точки зрения основных характеристик языков этого ареала (см. Табл. 4). К основным стратегиям отрицания в рассматриваемых системах относятся следующие:

1) стандартное отрицание при индикативе путем препозиции маркера стандартного отрицания в соответствии с основными тенденциями порядка следования элементов клаузы [Druyer 1992, 2005]; кроме того, стандартное отрицание используется при подтипе бытийных пропозиций (включая эквативы, атрибутивы, инклюзивы);

2) отрицание второго подтипа бытийных пропозиций (включая локативы, посессивы и собственно бытийные / экзистенциальные) с помощью специального отрицательного бытийного предиката с дефективной глагольной парадигмой (значительно дефективной — в случае восточнохантыйских, частично дефективной — в случае южноселькупских диалектов); в восточнохантыйских диалектах такой отрицательный бытийный предикат может принимать именной предикативный маркер *-aki*, а также вынужден формировать аналитическую предикативную конструкцию с финитным вспомогательным бытийным глаголом [NEG_{EX}(+ *-aki*) + (AUXV_{FIN})] для выражения темпоральных значений;

3) отрицание при императиве (прохибитив) путем препозиции особого маркера отрицания, этимологически не связанного с маркером стандартного отрицания, что соответствует типу II по классификации [van der Auwera, Lejeune 2005]; в южноселькупских диалектах отмечается инновационное расширение дистрибуции маркера стандартного отрицания с образованием свободной вариации с маркером отрицания прохибитивов (возможно, под влиянием контактного взаимодействия с русским языком);

4) отрицание при неопределенных / отрицательных местоимениях, при котором в восточнохантыйских диалектах используется стратегия стандартного или бытийного отрицания с непроизводными неопределенными проформами и частотным (но необлигаторным) маркированием неопределенной проформы эмфатическим показателем *-pa*, что находит параллели в южноселькупской стратегии использования производных отрицательных местоимений, образованных от неопределенных и вопросительных, маркированных эмфатической клитикой *-naj*;

5) аналитическое отрицание в конструкциях со вспомогательными словами с имплицитным отрицательным значением — финитными модальными словами со значением ‘не мочь, не уметь’ [LV_{INF} — AUXV_{FIN}];

6) морфологическое именное отрицание при помощи падежной формы абессива;

7) аналитическое отрицание в конструкциях со вспомогательными словами с имплицитным отрицательным / ирреалистическим значением ‘чуть не’, ‘еще не’ [‘чуть не’ / ‘еще не’ + VP] = [NEG VP].

В восточнохантыйских диалектах маркер стандартного отрицания при индикативе (*əntə*), скорее всего, имеет протоугорскую (возможно, и более раннюю [Honti 1997]) этимологию — реликт некоего протоугорского отрицательного глагола **ənt-*, когнаты которого сохраняются в мансийских¹⁷ и хантыйских диалектах [Соловар 2009].

(76) хант., сев., каз.

Ma nāŋ əŋ-en-ən nɛmχōjat-a ǎn lōp-s-əm.

‘Я о тебе никому не сказала’ [Соловар 2009: 117].

(77) хант., сев., каз.

Isa nɛməl χōjat i sij pa ǎntwerəl.

‘Звук даже не производил’ (букв. ‘не делал’) [Соловар 2009: 111].

Так, из примеров по казымскому диалекту (76), (77) очевидно, что маркер стандартного отрицания *ǎn(t)* демонстрирует те же основные характеристики, что и в рассмотренных восточных примерах (препозиция, предпочтение отрицания глагольной группы). Отрицательный бытийный предикат *ǎntΛ(m)* в примерах (77)—(80), как и в восточнохантыйских примерах, выступает в качестве именного предиката с дефективной парадигмой и необходимостью формировать аналитическую предикативную конструкцию с финитным вспомогательным бытийным глаголом [NEG_{EX} + (AUXV_{FIN})] для выражения темпоральных значений; см. (78а—в), (79а), (79б) vs. (80).

(78а) хант., сев., каз.

Sit ɔpɛm ǎntΛ.

‘Она (мне) не сестра’ [Соловар 2009: 35].

(78б) хант., сев., каз.

Aləŋ χəjɛl ǎntΛm.

‘Утреннего мужчины нет’ [Соловар 2009: 47].

(78в) хант., сев., каз.

Tāta nɛməlɬ wəj ǎntΛ, laŋki ǎntΛ, nūχəs ǎntΛ.

‘Здесь нет никаких зверей, белок нет, соболей нет’ [Соловар 2009: 54].

¹⁷ Личное обсуждение с Е. К. Скрибник.

(79а) хант., сев., каз.

Ópílam misχətən äntlam-ət.

‘Сестер моих в коровнике нет’ (PL) [Соловар 2009: 54].

(79б) хант., сев., каз.

Lin jöln äntlam-ηən.

‘Их дома нет’ (DU) [Соловар 2009: 54].

(80) хант., сев., каз.

Ašəm jöln äntlam was.

‘Отца дома не было’ [Соловар 2009: 54].

Одним из отличий является, однако, то, что в севернохантыйских диалектах с отрицательным бытийным предикатом не используются именные предикативные маркеры, подобные восточнохантыйско-му *-aki* (78а—в).

(81) хант., сев., каз.

Täta ał kerət'ł'a, mäna!

‘Не валяйся здесь, иди!’ [Соловар 2009: 70].

В отношении прохибитивов (81) ситуация в северных и восточных диалектах хантыйского языка вполне сопоставима и иллюстрирует тип II [van der Auwera, Lejeune 2005], характеризующийся использованием в императиве особого маркера отрицания, этимологически не связанного с маркером стандартного отрицания.

Важные системные отличия между северными и восточными диалектами хантыйского языка связаны со стратегией отрицания при неопределенных / отрицательных местоимениях. Радикально дифференцирующим фактором является севернохантыйское формирование отрицательных местоимений при помощи отрицательного префикса *нет-*, в то время как в восточнохантыйских диалектах используется или неопределенное местоимение в сочетании со стандартным отрицанием, или неопределенное местоимение с эмфатическим аффиксом *-рə* в сочетании со стандартным отрицанием; ср. севернохантыйские примеры (76), (82) vs. восточнохантыйские примеры (52), (55), (61).

(82) хант., сев., каз.

Ma netli-jət netχöjat-a äñ rökərtäləm.

‘Я ничего (букв. ничто(-мое)) никому (DAT) не дам’ [Соловар 2009: 87].

В обеих системах есть специальные эмфатические маркеры, которые часто используются для усиления отрицания. Очевидно, однако, что севернохантыйская свободная морфема *χon* (83а) и восточнохантыйская клитика *-рə* (55—61) этимологически не связаны и обладают разными статусами. В то время как севернохантыйская частица *χon* высокочастотна и обладает уже значением отрицательной эмфатической частицы¹⁸ [Wagner-Nagy 2011: 79], в восточнохантыйских диалектах она или ее алломорфы не отмечаются.

(83а) хант., сев., каз.

Χληχaja jilət, səra χon jöχətłət.

‘Против течения едут, (конечно) не скоро (они) приедут’ [Соловар 2009: 69].

(83б) хант., сев., каз.

Ma χətəm χil χon äntlam.

‘В моем доме рыба, конечно, есть’ [Соловар 2009: 54].

Вместо этого в восточнохантыйских диалектах наблюдается использование клитики *-рə* (см. примеры (55) и (56)), которая отмечается также и в севернохантыйских (ср. пример (77) и [Wagner-Nagy 2011: 78—79]). Однако в восточнохантыйских говорах процесс грамматикализации этой клитики во вторичный маркер отрицания в рамках общего цикла Есперсена продвинут менее, чем в случае с севернохантыйской частицей *χon*, и даже менее, чем в случае севернохантыйского когната *-ра* (84); см. также [Wagner-Nagy 2011: 77—78].

¹⁸ Более того, сочетание частицы *χon* и отрицательного бытийного предиката *äntlam* — фактически двойное отрицание (83б) — имеет значение эмфатического утверждения [Wagner-Nagy 2011: 78—79].

(84) хант., сев., каз.

*Öšəŋ lamatsəχ pa letöt äntam was*¹⁹.

‘Нормальной одежды (даже) и еды не было’ [Соловар 2009: 47].

Наконец, в плане прошедшего времени дифференциация между северными и восточными диалектами хантыйского языка отмечается в отношении частотности асимметричной конструкции «номинализация + отрицательный бытийный предикат» [NMLZ + NEG_{EX}], использующейся вместо стандартного отрицания [NEG_{ST} + V_{FIN}] (85). В то время как в севернохантыйских диалектах эта конструкция регулярна [Wagner-Nagy 2011: 111], в восточнохантыйских диалектах частотность таких конструкций крайне низка.

(85) хант., сев., каз.

min lohum-m-əmn antəm

IDU воровать-PP-IDU NEG_{EX}

‘Мы двое не воровали’ [Соловар, Черемисина 1994: 37; Wagner-Nagy 2011: 111].

В целом, в отношении стратегий отрицания в клаузах с неглагольными предикатами для северных и восточных диалектов хантыйского языка (см. Табл. 2) отмечается основополагающая дифференциация на двустороннюю и трехстороннюю оппозицию [Veselinova 2006]. При этом в работе [Wagner-Nagy 2011: 302—303] отмечается, что севернохантыйские стратегии отрицания характеризуются трехсторонней оппозицией — использованием трех формальных маркеров отрицания (кроме отдельного маркера прохибитива): 1) *än* — для стандартного отрицания (76), (77) и посессивного отрицания (86); 2) *äntam* — для бытийного отрицания и локативного отрицания (78б)—(80); 3) *änt(ə)* — для отрицания при неглагольных (именных) предикатах (78а).

(86) хант., сев., каз.

Täm wal.tijən kakkləken tiχəλ werti wer än təjəλ.

‘Сейчас у кукушки нет привычки вить гнезда’ (букв. ‘Гнездо делать дело не имеет’) [Соловар 2009: 100].

В то же время восточнохантыйские стратегии отрицания характеризуются двусторонней оппозицией — использованием двух формальных маркеров отрицания (кроме маркера прохибитива): 1) *əntə* — для стандартного отрицания (14), (16), посессивного отрицания с глаголом ‘иметь, держать’ и для отрицания при неглагольных (именных) предикатах (31а), (64); 2) *əntəm(-aki)* — для бытийного отрицания, локативного отрицания (24)—(27) и посессивного отрицания с отрицательным бытийным предикатом (24г).

Более точная теоретическая перспектива эволюции рассмотренных маркеров стандартного и бытийного отрицания в хантыйском языке еще детально не определена²⁰, однако можно с большой долей вероятности предположить, что они представляют собой вполне типичный пример процесса грамматикализации. В рамках данного типологически универсального процесса [Bybee et al. 1994] ранее полноценная лексическая единица — отрицательный глагол — подвергается семантическому «обесцвечиванию», обобщению значения, в то время как его функциональная сфера расширяется — в данном случае до современного использования в качестве частноотрицательного маркера при любом элементе клаузы. При этом синтаксические характеристики данной лексической единицы также подвергаются изменениям — значительному сужению парадигмы, декатегоризации. В результате этих изменений данная лексическая единица приобретает грамматическое значение, формируя синтаксическое / семантическое единство с тем элементом клаузы, в препозиции к которому она оказывается.

В случае с рассматриваемыми маркерами стандартного отрицания декатегоризация значительна — с полной утерей глагольной парадигмы. В синхронном плане в восточнохантыйских диалектах как маркер

¹⁹ В севернохантыйских диалектах форма вспомогательного глагола (V_{FIN} или V_{NFIN}) соотносится с модальностью, латентив определяет причастную форму глагола-копулы ‘быть’; ср. примеры (а) и (б). Но в рассматриваемых восточнохантыйских данных форма вспомогательного глагола всегда финитная.

(а) *Jəχan χənəŋən aj χəp ar äntam was.*

‘Около реки лодок не много было’ [Соловар 2009: 62].

(б) *Ljw mijəm šeraŋka χəšəpəλ lipijən šeraŋka äntam wəlməλ.*

‘В коробке спичек, которую он дал, спичек не было, оказывается’ [Соловар 2009: 62].

²⁰ Автор признателен Л. Веселиновой за плодотворное обсуждение аспектов грамматикализации / лексикализации в типологической перспективе отрицания.

**Сводные параметры выражения отрицания
в восточных и северных диалектах хантыйского языка**

параметры отрицания	восточнохантыйские диалекты		севернохантыйские диалекты
стандартное отрицание	<i>əntə</i> V _{FIN}		<i>ǎn(t)</i> V _{FIN} NMLZ + <i>ǎntam</i>
присловное отрицание элемента Y	<i>əntə</i> Y / <i>ni</i> Y		<i>ǎn(t)</i> Y
отрицание существования / состояния THEME = X (Present context)	X <i>əntə</i> Y		X <i>ǎnt(ə)</i> Y
	X = HIGH.TOP	X = LOW.TOP	<i>ǎntam</i> <i>ǎn</i> + V _{FIN} 'иметь'
— эквативы / инклюзивы / атрибутивы	X <i>əntim</i>	X <i>əntim(-äki)</i>	
— локативы / экзистенциальные / посессивы	X <i>əntə</i> + COP-TAM Y		X <i>ǎnt(ə)</i> + COPV _{FIN} Y
отрицание существования / состояния THEME = X (Past context)	X = HIGH.TOP		<i>ǎntam</i> + COPV _{FIN} <i>ǎn</i> + V[FIN] 'иметь'
	X = LOW.TOP		
— эквативы / инклюзивы / атрибутивы	<i>əntim</i> + COPV _{FIN}	<i>əntim(-äki)</i> + COPV _{FIN}	
— локативы / экзистенциальные / посессивы	<i>əntim</i> + AuxV _{FIN} (<i>jitä</i> 'become')		? <i>ǎntam</i> + AuxV _{FIN} ?
результативы	'почти'		'конечно не'
	<i>kür</i> 'не мочь; не знать; не уметь'		
отрицательные вспомогательные слова	'мочь' + NEG (возможность)		'возможность' + <i>ǎntam</i> 'возможность' + <i>ǎn</i> 'иметь'
	—		эмфатическое утверждение <i>xon</i> + <i>ǎntam</i>
двойное отрицание	—		
отрицание при императиве (прохибитив)	<i>al</i>		<i>ał</i>
общее отрицание	<i>əntə</i>		<i>ǎnt(ə)</i>
неопределенное отрицание	INDF(-pə) + <i>əntə</i> / <i>əntim</i>		INDF <i>nem-</i> + <i>ǎn(t)</i> / <i>ǎntam</i>
лишительность (Abessive, Caritive)	-ləy [без N _(основа)]		—
переключение / смешение кодов	—		<i>ni</i>
	—		
— индикатив	<i>ni</i>		
— императив	—		

стандартного отрицания *əntə*, так и отрицательный бытийный предикат *əntim*, скорее всего, представляют собой причастные формы, а финитные формы отсутствуют; кроме того, по аналогии с причастиями и именными предикатами *əntim* может принимать предикативный аффикс *-äki*. Следует также отметить, что с точки зрения просодики маркер отрицания (стандартного) почти никогда не несет фразового ударения (в противоположность лексическим глаголам).

Таким образом, в русле избранной модели грамматикализации можно предложить следующий вариант эволюции маркеров стандартного отрицания в системе восточнохантыйских диалектов. Ранние лексические отрицательные глаголы, обладающие (более) полной парадигмой, часто использовались в причастной форме в определенных конструкциях с некоторыми финитными глаголами [LV_{NEG}(PART) + LV_{FIN}] и со временем (в контексте таких конструкций) подвергались семантическому обобщению, расширению дистрибуции за пределы указанных конструкций и утрате значительной части глагольной парадигмы, сохраняясь на современном этапе только в форме причастий: несовершенного вида *əntə* — маркер стандартного отрицания [NEG(PART) + (NP, VP[LV_{FIN}], ADVP)]; совершенного вида *əntim* — отрицательный бытийный предикат [NEG_[EX](PART)+(-äki) + (AUX_{FIN})]. Такие «застывшие» причастные формы, которые функционируют как маркеры отрицания, могут в принципе восприниматься как отрицательные вспомогательные глаголы, имеющие дефективную парадигму и обладающие способностью выступать в качестве «хозяина» ("host") для лексического глагола [NEG + LV_{FIN}].

Сравнительный анализ данных северных и южных диалектов селькупского языка (см. Табл. 3) дает схожую картину диалектной дифференциации. В целом, анализ северноселькупских данных [ОчСЯ 1980; Wagner-Nagy 2011] демонстрирует общее сходство основных стратегий отрицания с южноселькупскими.

(87) сельк., сев., таз.

man ašša ila-k
1SG NEG жить-1SG

‘Я не живу’ [ОчСЯ 1980: 237].

(88) сельк., сев., таз.

mat ašša tenimi-s-ak timña-ni ima-p qo-ptä-ti
1SG NEG знать-PST-1SG старший.брат-GEN.1SG жена-ACC найти-NMLZ-3SG

‘Я не знал, что мой старший брат женился’ [ОчСЯ 1980: 173].

(89) сельк., сев., таз.

na iija ašša werq εε-ηa
DET ребенок NEG большой быть-3SG

‘Этот ребенок не большой’ [ОчСЯ 1980: 362].

В частности, при стандартном отрицании (87), (88) и при отрицании с неглагольным предикатом (89) северноселькупский маркер отрицания *ašša* инвариантен и находится в препозиции к соответствующему элементу предложения.

Одной из дифференцирующих характеристик северных диалектов является, однако, использование альтернативного маркера стандартного отрицания *čä*, образованного, очевидно, от общеселькупского бытийного отрицательного предиката *čäänka* [ОчСЯ 1980: 252; Wagner-Nagy 2011: 68—69, 286].

(90) сельк., сев., таз.

mat šinti čä qonti-r-ä-k
1SG 2SG.ACC NEG видеть-FREQ-NMLZ-1SG

‘Я не заметил тебя’ [ОчСЯ 1980: 252].

При этом в контексте прошедшего времени в северноселькупских диалектах отмечается асимметрия отрицания [Wagner-Nagy 2011: 110], так как финитному предикату утвердительного высказывания соответствует в отрицании конструкция из нефинитной формы (номинализация) лексического глагола и отрицательного бытийного предиката, принимающего на себя соответствующую финитную глагольную морфологию (90), (91). Более того, в [ОчСЯ 1980: 237] отмечается, что подобная асимметричная конструкция отрицания, безусловно, является в контексте прошедшего времени более частотной, чем стандартное симметричное отрицание, т. е. предпочтительной; ср. (88) vs. (91).

(91) сельк., сев., таз.

mee-koolik ni-kuti (ämtä kuti) (kuti-nej) čäänka tü-ptä-ti
1PL-ABES NEG-кто (NEG кто) (кто-EMPH) NEG_{EX}.3SG прийти-NMLZ-3SG

‘Кроме нас никто не пришел’ [ОчСЯ 1980: 299].

В селькупских бытийных конструкциях (включая локативные, посессивные и экзистенциальные) также обнаруживаются определенные черты диалектной дифференциации. Так, например, Б. Вагнер-Надь отмечает различия в стратегиях построения отрицания в посессивных конструкциях: в южных диалектах используется конструкция с обладателем в форме локативного падежа и отрицательным бытийным предикатом, а в северных — конструкция с локативной постпозицией обладателя в генитиве и отрицательным бытийным предикатом (92) или же с обладателем в качестве посессивной флексии на обладаемом (93) [Wagner-Nagy 2011: 226—227].

(92) сельк., сев., таз.

ima-n miqin ira-ti čäänni-mpa
женщина-GEN PSTP старик-3SG NEG_{EX}-PST.3SG

‘Мужа у женщины не было’ [ОчСЯ 1993: 20].

(93) сельк., сев., таз.

ostä-l čäänka
олень-2SG NEG_{EX}.3SG

‘У тебя оленей нет’ [ОчСЯ 1980: 365].

Селькупское отрицание (подобно восточнохантыйскому) характеризуется в индикативе двусторонней оппозицией [Veselinova 2006], при которой используются два формальных маркера отрицания (кроме маркера прохибитива): 1) *ašša* / *ä* — для стандартного отрицания (15), (18), (87), (88) и для отрицания при неглагольных (именных) предикатах (89); 2) *čäänka* / *tʃangu* — для бытийного отрицания (36), (38), для лока-

тивного отрицания (35), (37), для посессивного отрицания с отрицательным бытийным предикатом (92), (93) и для стандартного отрицания в прошедшем времени (90), (91); см. также [Wagner-Nagy 2011: 287—288].

Наконец, еще одной чертой, в определенной степени дифференцирующей северные и южные диалекты селькупского языка, является стратегия отрицания при неопределенных / отрицательных местоимениях. Сродни описанной выше ситуации в хантыйском языке, в северноселькупских диалектах доминирующей стратегией формирования отрицательных местоимений из вопросительных является использование отрицательного префикса *ni-*, в то время как в южноселькупских более продуктивна модель с использованием вопросительного местоимения с суффиксом *-naj* в сочетании со стандартным отрицанием; ср. южноселькупские примеры (62б—д) и северноселькупские (91), (94), (95).

(94) сельк., сев., таз.

imany *ni-kuččä* (*ämtä* *kuččä*) *(*kuččä-nej*) *ašša* *iččyrna*
 жена-1SG NEG-куда (NEG куда) *(куда-EMPH) NEG ходить-3SG
 ‘Моя жена никуда не ходит’ [ОчСЯ 1980: 299].

(95) сельк., сев., таз.

tapčely *mat* *ni-qaj-ym* (*ämtä* *qaj-ym*) *(*kuččä-nej*) *ašša* *met-ap*
 сегодня 1SG NEG-что-ACC (NEG что-ACC) *(что-EMPH) NEG делать-1SG
 ‘Сегодня я ничего не делаю’ [ОчСЯ 1980: 299].

Следует отметить, что обе стратегии засвидетельствованы как в южных, так и в северных диалектах селькупского языка. Однако все имеющиеся источники так или иначе отмечают, что в северноселькупских диалектах дистрибуция суффикса *-naj* / *-nej* крайне ограничена (местоимениями ‘кто’ и ‘что’ в номинативе; ср. (91) vs. (94), (95), в скобках), в то время как префикс *ni-* более частотен и продуктивен [ОчСЯ 1980: 298—299; Беккер и др. 1995: 129—133]. Кроме того, в северноселькупских диалектах [ОчСЯ 1980: 298] отмечается альтернативная конструкция (вероятно, с эмфатическим отрицательным значением) с частицей *ämtä* в препозиции к вопросительному местоимению (см. примеры (91), (94), (95), в скобках); эта конструкция не встречается в южноселькупских диалектах.

Таблица 3

Сводные параметры выражения отрицания
 в северных и южных диалектах селькупского языка

параметры отрицания	северноселькупский диалект	южноселькупский диалект
стандартное отрицание	<i>ašša</i> V _{FIN} <i>čä</i> V _{FIN}	<i>ā</i> (<i>āyā</i>) V _{FIN}
присловное отрицание элемента Y	<i>ašša</i> Y	<i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
отрицание существования / состояния THEME = X (Present context) — эквативы / инклюзивы / атрибутивы	X <i>ašša</i> Y	X <i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
— локативы / экзистенциальные / посессивы	<i>čäänk-</i> + (TAM) N[GEN] + <i>čäänk-</i> + (TAM) N[PX] + <i>čäänk-</i> + (TAM)	<i>tfangu-</i> / <i>netu-</i> + (TAM)
отрицание существования / состояния THEME = X (Past context) — эквативы / инклюзивы / атрибутивы	X <i>ašša</i> Y	X <i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
— локативы / экзистенциальные / посессивы	<i>čäänk-</i> + (TAM)	<i>tfangu-</i> / <i>netu-</i> + (TAM)
отрицательные вспомогательные слова	— <i>tačal-</i> ‘не мочь’; <i>ašša</i> + V _{FIN} ‘не знать; не уметь’	‘еще / пока не’ <i>tfedalba-</i> ‘не мочь’ <i>āyā</i> + V _{FIN} ‘не знать; не уметь’
отрицание при императиве (прохибитив)	<i>iki</i>	<i>ig</i> / <i>ā</i> (<i>āyā</i>)
общее отрицание	<i>ašša</i>	<i>ā</i> (<i>āyā</i>)
неопределенное отрицание	INDF <i>ni-</i> + <i>ašša</i> INDF <i>ni-</i> + <i>čäänk-</i>	INDF <i>-naj</i> + <i>ā</i> (<i>āyā</i>) INDF <i>-naj</i> + <i>tfangu-</i> / <i>netu-</i>
лишительность (Abessive, Caritive)	<i>-kəlik</i> [без N _(основа)]	<i>-galk</i> [без N _(основа)]
переключение / смешение кодов — индикатив — императив	<i>ni</i>	<i>netu-</i> <i>ā</i> (<i>āyā</i>) = <i>ig</i>

В целом, в отношении морфосинтаксической симметрии [Miestamo 2005] обе системы демонстрируют скорее симметричные черты, не обнаруживая серьезных системных отличий между отрицательными клаузами и их утвердительными эквивалентами, за исключением собственно присутствия маркера отрицания. Дифференциация индикативных и императивных отрицательных стратегий соответствует типу II в типологии отрицания императивов по [van der Auwera, Lejeune 2005]. Следует, однако, сказать, что отмечаемая в южноселькупских диалектах инновация — параллельное использование маркера стандартного отрицания в императиве — сближает эту систему с языками типа I [van der Auwera, Lejeune 2005], использующими один маркер отрицания для индикатива и императива (например, с русским языком).

Таблица 4

**Сводные параметры выражения отрицания
в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах**

параметры отрицания	восточнохантыйские диалекты		южноселькупские диалекты
стандартное отрицание	<i>əntə</i> V _{FIN}		<i>ā</i> (<i>āyā</i>) V _{FIN}
присловное отрицание элемента Y	<i>əntə</i> Y / <i>ni</i> Y		<i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
отрицание существования / состояния THEME = X (Present context) — эквативы / инклюзивы / атрибутивы	X <i>əntə</i> Y		X <i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
	X = HIGH.TOP	X = LOW.TOP	<i>tʃangu-</i> / <i>netu-</i> + (TAM)
— локативы / экзистенциальные / посессивы	X <i>əntim</i>	X <i>əntim(-āki)</i>	
отрицание существования / состояния THEME = X (Past context) — эквативы / инклюзивы атрибутивы	X <i>əntə</i> + COPV _{FIN} (<i>wəлта</i> ‘to be’) Y		X <i>ā</i> (<i>āyā</i>) Y
	X = HIGH.TOP	X = LOW.TOP	<i>tʃangu-</i> / <i>netu-</i> + (TAM)
	<i>əntim</i> + COPV _{FIN} (<i>wəлта</i> ‘to be’)	<i>əntim(-āki)</i> + COPV _{FIN} (<i>wəлта</i> ‘to be’)	
	* <i>əntim</i> + AuxV _{FIN} (<i>jitā</i> ‘become’)		
отрицательные вспомогательные слова	‘почти’ <i>kür</i> ‘не мочь; не знать; не уметь’		‘еще / пока не’ <i>tʃedalba-</i> ‘не мочь; не знать; не уметь’
	‘мочь’ + Neg (возможность)		‘мочь’ + Neg (возможность)
отрицание при императиве (прохибитив)	<i>al</i>		<i>ig</i> / <i>ā</i> (<i>āyā</i>)
общее отрицание	<i>əntə</i>		<i>ā</i> (<i>āyā</i>)
неопределенное отрицание	INDF(- <i>pə</i>) + <i>əntə</i>		INDF- <i>naj</i> + <i>ā</i> (<i>āyā</i>)
	INDF(- <i>pə</i>) + <i>əntim</i>		INDF- <i>naj</i> + <i>tʃangu-</i> / <i>netu-</i>
лишительность (Abessive, Caritive)	- <i>ləy</i> [без N _(основа)]		- <i>galk</i> [без N _(основа)]
переключение / смешение кодов			
	<i>ni</i>		<i>netu-</i> <i>ā</i> (<i>āyā</i>) = <i>ig</i>

Отмечаемые примеры асимметричного отрицания в обеих системах касаются в основном примеров с прохибитивами и бытийными пропозициями. Так, обнаруживаются определенные асимметричные стратегии при выражении отрицания в бытийных пропозициях в настоящем и прошедшем временах (асимметрия связана с грамматическими категориями глагола [Miestamo 2005]), что не в полной мере укладывается в существующие типологии [Croft 1991].

Так, если в южноселькупских диалектах стратегия бытийного отрицания в целом характеризуется симметричностью, то в восточнохантыйских диалектах различаются два подтипа стратегии отрицания бытийных пропозиций: 1) для пропозиций в настоящем времени и немаркированном прошедшем — «чистый» отрицательный бытийный предикат *əntim*; 2) для пропозиций прошедшего времени — аналитическая конструкция с отрицательным бытийным предикатом *əntim* и бытийным финитным вспомогательным глаголом *wəl-ta* ‘быть’, принимающим соответствующие глагольные категориальные показа-

тели. Такая дифференциация по признаку глагольных грамматических категорий (ТАМ) осложняет четкую классификацию в рамках существующих типологий бытийного отрицания (типы А, В, С [Croft 1991]), так как, с одной стороны, а) очевидна этимологическая связь маркеров стандартного и бытийного отрицания (*əntə* / *əntim*), с другой стороны, б) бытийный отрицательный предикат имеет собственную уникальную морфологию [*əntim(-äki)*], и наконец, в) при некоторых обстоятельствах для бытийного отрицания могут быть использованы оба маркера отрицания (стандартного и бытийного) в рамках предикативной конструкции с финитным (бытийным) глаголом ‘быть’ в качестве вспомогательного: в прошедшем времени — конструкция с отрицательным бытийным предикатом [*X wəlqal* ‘был X’ / *X əntim wəlqal* ‘X несуществующим был’]; в настоящем времени — конструкция с маркером стандартного отрицания в вопросах альтернативного типа [*X wəlwəl, qam əntə wəlwəl* ‘есть X или не есть?’].

Сравнительный анализ диалектных данных дает основания предварительно отметить множество общих черт грамматики отрицания в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах, тогда как внутри соответствующих диалектных континуумов (хантыйского и селькупского) многие из этих черт оказываются дифференцирующими.

В перспективе исследования — рассмотрение описанных выше стратегий и параметров отрицания в более широком контексте самодийских и финно-угорских данных, возможно, с расширением типологической перспективы — с привлечением данных по тюркским языкам Западной Сибири.

Сокращения

Языки

сельк. — селькупский	хант. — хантыйский
сев. — северные диалекты	вост. — восточные диалекты
таз. — тазовский диалект	алекс. — александровский диалект
южн. — южные диалекты	вас. — васюганский диалект
вас. — васюганский диалект	вах. — ваховский диалект
нарым. — нарымский диалект	сург. — сургутский диалект
ср.-обск. — среднеобский диалект	сев. — северные диалекты
	каз. — казымский диалект

Источники

Источники по восточнохантыйским диалектам

- AGB — текст «Чуть не побили» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- V&M — текст «Птичка и мышка» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (Калинина Л. И.), глоссирование и перевод 2010 г. [Фильченко, Потанина 2010] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- BearStay — текст «Медведь ночевал» (хант. вас.), записан в 2012 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- BH — текст «Охота на медведя» (хант. вас.), записан в 2005 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- BOY — текст «Мальчик» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (Калинина Л. И.), глоссирование и перевод 2012 г. [Фильченко, Потанина 2012] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- EKhNeg — опросник «Отрицание» (хант. вас.), адаптирован и записан в 2012 г. на р. Васюган (Ковылин С. В., Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- FA&SON — текст «Отец и сын» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (Калинина Л. И.), глоссирование и перевод 2012 г. [Фильченко, Потанина 2012] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- FAL — текст «Первый самолет в Озерном» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- FYB — текст «Смешной медведь» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (Фильченко А. Ю.) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- G&B — текст «Пучок травы и ягодка» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (Калинина Л. И.), глоссирование и перевод 2012 г. [Фильченко, Потанина 2012] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.

- Life — текст «Жизнь» (хант. алекс.), записан в 2007 г. (*Парнюк Л. В.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- MP — текст «Мотороллер толкали» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- M-V — текст «Матрена и Василий» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- NST — текст «Ночная смена с Тайкой» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- OMC — текст «Старик в обласке» (хант. вас.), записан в 2008 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- OM2WM — текст «Старик и две женщины» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (*Калинина Л. И.*), глоссирование и перевод 2012 г. [*Фильченко, Потанина 2012*] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- SAB-TOL-KOM — текст «Сабун-Тольки-Комсомолец» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (*Калинина Л. И.*), глоссирование и перевод 2010 г. [*Фильченко, Потанина 2010*] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- ST — текст «След топтать» (хант. вас.), записан в 2005 г. на р. Васюган (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- TS — текст «Три сына» (хант. вас.), записан в 1966 г. на р. Васюган (*Калинина Л. И.*), глоссирование и перевод 2010 г. [*Фильченко и др. 2010*] // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.

Источники по южноселькупским диалектам

- H-GM — текст «Как рябчик человеком стал» (сельк. южн.), записан в 1980 г. в с. Иванкино Колпашевского района Томской области (*Ким А. А., Максимова Н. П.*), глоссирование и перевод 2010 г. (*Байдак А. В., Максимова Н. П., Федотова Н. Л.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- MIFI — текст «Хозяйка огня» (сельк. южн.), записан в 1983 г. на р. Васюган (*Ильяшенко И. А., Максимова Н. П.*), глоссирование и перевод 2012 г. (*Байдак А. В., Максимова Н. П.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- SelNeg — опросник «Отрицание» (сельк. южн.), адаптирован и записан в 2011 г. на р. Парабель (*Фильченко А. Ю.*) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.

Общие

букв.	— буквально
A	— agent of transitive clause (субъект переходного действия)
ABES	— abessive (абессив, лишительный падеж)
ACC	— accusative (аккузатив, винительный падеж)
ADJ	— adjective (имя прилагательное)
ADJZ	— adjectivizer (маркер атрибутивности)
ADV	— adverb (наречие)
ADVP	— adverbial phrase (наречная группа)
ALL	— allative (аллатив)
ATTN	— attenuative (аттенуатив, слабая мера действия)
ATTR	— attributive (атрибутивный показатель)
AUX	— auxiliary (вспомогательное слово)
AUXV	— auxiliary verb (модальный глагол, вспомогательный глагол)
CAUS	— causative (каузатив)
CLIT	— clitique (клитика)
CMPL	— complement (глагольный комплемент)
COM	— comitative (комитатив, совместный падеж)
COND	— conditional (условное наклонение)
CONV	— converb (конверб, деепричастная форма)
COP	— copula (элемент-копула)
COPV	— copula verb (глагол-копула, глагол-связка)
DAT	— dative (дательный падеж)
DER	— derivational affix (деривационный аффикс, словоизменяющий аффикс)
DET	— determiner (определяющее местоимение)

DIM	— diminutive (диминутив)
DU	— dual (двойственное число)
DUR	— durative (дуратив, аффикс длительности)
EL	— elative (элатив)
EMPH	— emphatic (эмфатический маркер)
EP	— epenthetic (соединительный элемент)
FAM	— family, collective (аффикс взаимной собирательности)
FE	— finite element (финитный элемент)
FIN	— finite (финитная форма)
FOC	— focus (фокус)
FREQ	— frequency (фреквентатив, многократный вид)
FUT	— future (будущее время)
F0	— частота F0
GEN	— genitive (генитив, родительный падеж)
H	— high tone (восходящий тон)
HAB	— habitual (хабитуалис)
HIGH.TOP	— high topicality (повышенный / первичный топик)
ILL	— illative (иллатив)
IMP	— imperative (императив, повелительное наклонение)
IMPP	— imperfective participle (имперфективное причастие)
IMPRF	— imperfective (имперфектив)
INCH	— inchoative (инхоатив)
INDF	— indefinite (маркер неопределенности)
INDF.PRON	— indefinite pronoun (неопределенное местоимение)
INF	— infinitive (инфинитив)
INGR	— ingressive (ингрессив)
INSTR	— instrumental (инструменталис, инструментальный падеж)
INTN	— intensifier (маркер интенсивности)
IPRFV	— imperfectivizer (имперфективизатор)
L	— нисходящий тон
LOC	— locative (локатив, местный падеж)
LOC1	— locative 1 (локатив, местный падеж на <i>-qin</i>)
LOC2	— locative 2 (локатив, местный падеж на <i>-nan</i>)
LOW.TOP	— low / secondary topicality (пониженный / вторичный топик)
LV	— lexical verb (смысловый глагол)
MMNT	— momentative (моментатив)
N	— noun (именная форма, имя существительное)
NEG	— negator (маркер отрицания)
NEG _{EX}	— existential negator (маркер бытийного отрицания)
NEG _{IMP}	— imperative negator (маркер отрицания при императиве)
NEG _{ST}	— standard negator (маркер стандартного отрицания)
NFIN	— non-finite (нефинитная форма)
NMLZ	— nominalization (номинализация)
NOM	— nominative (номинатив, именительный падеж)
NP	— noun phrase (именная группа)
O	— object of transitive clause (объект переходного действия)
OBJ	— objective conjugation (объектное спряжение)
OPT	— optative (оптатив)
ORD	— ordinal (порядковое числительное)
PART	— participle (причастие)
PL	— plural (множественное число)
POSS	— possessive (посессивное склонение, притяжательное склонение)
PP	— perfective participle (перфективное причастие)
PRED	— predicator affix (предикативный аффикс)
PRF	— perfective (перфектив)
PROL	— prolativ (пролатив, продольный падеж)
PRS	— present (настояще-будущее время)

PS	— passive (пассив, пассивный залог)
PST	— past (прошедшее время)
PSTN	— past narrative / past resultative (прошедшее нарративное / прошедшее результи- тивное)
PST0	— past 0 (бессуффиксальное прошедшее время)
PST1	— past 1 (прошедшее время на <i>-yas</i>)
PST2	— past 2 (прошедшее время на <i>-s</i>)
PST3	— past 3 (прошедшее время на <i>-yal</i>)
PSTP	— postposition (послелог)
PTCL	— particle (частица)
PX	— possessive (посессивный аффикс, маркер притяжательности)
RFL	— reflexive (маркер возвратности)
S	— subject of intransitive clause (субъект непереходного действия)
SG	— singular (единственное число)
SUB	— subjective conjugation (субъектное спряжение)
TAM	— tense, aspect, modality (время, аспект, модальность)
THEME	— тема
TOP	— топик
V	— verb (глагольный предикат)
V _{EX}	— existential verb (бытийный глагол)
VP	— verbal phrase (глагольная группа)
x	— произвольный элемент конструкции / модели
y	— произвольный элемент конструкции / модели
1	— первое лицо
2	— второе лицо
3	— третье лицо

Л и т е р а т у р а

- Абдрахманов 1970 — *Абдрахманов М. А.* Тексты чулымско-тюркского языка (среднечулымский диалект) // Языки и топонимия Сибири. Т. 2. Томск, 1970. С. 58—69.
- Байдак и др. 2010 — *Байдак А. В., Максимова Н. П., Федотова Н. Л.* Селькупские тексты // Сборник аннотированных фольклорных текстов обско-енисейского языкового ареала / Ред. *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Крюкова Е. А.* и др. Томск, 2010. С. 133—184.
- Беккер и др. 1995 — *Беккер Е. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Т. 1—2. Томск, 1995.
- Бирюкович 1980 — *Бирюкович Р. М.* Строй чулымско-тюркского языка. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1980.
- Бирюкович 1984 — *Бирюкович Р. М.* Лексика чулымско-тюркского языка. Пособие к спецкурсу. Саратов, 1984.
- Бирюкович 1986 — *Бирюкович Р. М.* Номинативный аспект лингвистических единиц в языках различных типов. Межвузовский сборник. Саратов, 1986.
- Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. *Быконя В. В.* Томск, 2005.
- Гаджиева, Бирюкович 1983 — *Гаджиева И. З., Бирюкович Р. М.* Реликты древнетюркского синтаксиса в современных тюркских языках (на материале чулымско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1983, 2. С. 315.
- Деннинг 1981 — *Деннинг Н. В.* Фонетика тымского диалекта селькупского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Дульзон 1960 — *Дульзон А. П.* Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 9.
- Дульзон 1966 — *Дульзон А. П.* Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 446—466.
- Дульзон 1977 — *Дульзон А. П.* Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири // Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977. С. 150—178.
- Калинина 1966 — *Калинина Л. И.* Восточнохантыйские материалы: Васюганский диалект // Полевой архив кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 1966 г.
- Кузьмина 1974 — *Кузьмина А. И.* Грамматика селькупского языка. Ч. 1. Новосибирск, 1974.
- Лемская 2012 — *Лемская В. М.* Акциональность в чулымско-тюркском языке (в типологической перспективе) // Вестник ТГПУ. 2012, 10 (125). С. 98—104.

- Надь 2005 — *Надь З.* Хантыйско-селькупские межэтнические связи в бассейне Васюгана // Mikola-konferencia — 2004 / Ed. *Wagner-Nagy B. Szeged*, 2005. С. 63—73.
- Надь 2011 — *Надь З.* Васюганские ханты: Изменение религиозной системы в XIX—XX веках. Томск, 2011.
- Напольских 1997 — *Напольских В. В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.
- Отрицание 2012 — Русская корпусная грамматика: Отрицание // <http://rusgram.ru>, 08.05.2012.
- ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Казакевич О. А., Грушикина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
- ОчСЯ 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Йоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 2. М., 1993.
- Перепись 2010 — Всероссийская перепись населения — 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Табл. 23. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку по отдельным субъектам Российской Федерации // www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, 2010 (дата обращения — 17.06.2013 г.).
- Потанина, Фильченко 2010 — *Потанина О. С., Фильченко А. Ю.* Полевые архивные записи, р. Васюган // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2010 г.
- Селькупы 1956 — *Прокофьева Е. Д.* Селькупы // Народы Сибири. М.—Л., 1956. С. 665—686.
- Серебренников, Бирюкович 1984 — *Серебренников Б. А., Бирюкович Р. М.* Из истории некоторых глагольных времен чувлымско-тюркского языка // Советская тюркология. 1984, 6. С. 3—14.
- Соловар 2009 — *Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке. Новосибирск, 2009.
- Соловар, Черемисина 1994 — *Соловар В. Н., Черемисина М. И.* Выражение отрицания в хантыйском языке // *Linguistica Uralica*. 1994, 30. Р. 35—46.
- Терешкин 1961 — *Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. М.—Л., 1961.
- Терешкин 1981 — *Терешкин Н. И.* Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981.
- Фильченко 2005 — *Фильченко А. Ю.* Восточнохантыйские нарративы (васюганский и александровский диалекты) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2005 г.
- Фильченко 2007 — *Фильченко А. Ю.* Восточнохантыйские нарративы (васюганский и александровский диалекты) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2007 г.
- Фильченко 2008 — *Фильченко А. Ю.* Восточнохантыйские нарративы (васюганский диалект) // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2008 г.
- Фильченко 2011a — *Фильченко А. Ю.* Из опыта ареального анализа хантыйских, селькупских и чувлымских диалектных данных // Вестник ТГПУ. 2011, 3 (105). С. 148—156.
- Фильченко 2011b — *Фильченко А. Ю.* Южноселькупские нарративы: Вопросник по отрицанию // Полевой архив Кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Полевые материалы 2011 г.
- Фильченко и др. 2010 — *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Тоноян М. Н., Третьяков Т.* Хантыйские тексты // Сборник аннотированных фольклорных текстов обско-енисейского языкового ареала / Ред. *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Крюкова Е. А.* и др. Томск, 2010. С. 67—190.
- Фильченко, Потанина 2010 — *Фильченко А. Ю., Потанина О. С.* Хантыйские тексты // Сборник аннотированных фольклорных текстов обско-енисейского языкового ареала / Ред. *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Крюкова Е. А.* и др. Томск, 2010. С. 39—65.
- Фильченко, Потанина 2012 — *Фильченко А. Ю., Потанина О. С.* Хантыйские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала / Ред. *Фильченко А. Ю., Потанина О. С., Крюкова Е. А.* и др. Томск, 2012. С. С. 24—71.
- Хелимский 1988 — *Хелимский Е. А.* Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тарту, 1988.
- Шатилов 1927 — *Шатилов М. Б.* Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краеведческого музея. Т. 1. Томск, 1927.
- van der Auwera, Lejeune 2005 — *Auwera J. van der, Lejeune L.* The prohibitive // The world atlas of language structures / Ed. *Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B.* Oxford, 2005. P. 290—293.
- Bybee et al. 1994 — *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago—London, 1994.
- Croft 1991 — *Croft W.* The evolution of negation // *Linguistics*. 1991, 27. P. 1—27.
- Csepregi 1998 — *Csepregi M.* Szurguti osztják chrestomathia. Szeged, 1998. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1998, 6.)
- Dahl 1979 — *Dahl Ö.* Typology of sentence negation // *Linguistics*. 1979, 17. P. 79—106.
- Décsy 1965 — *Décsy G.* Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.
- Dixon 1994 — *Dixon R. M. W.* Ergativity. Cambridge, 1994.
- Dryer 1988 — *Dryer M.* Universals of negative position // *Studies in syntactic typology* / Ed. *Hammond M., Moravcsik E., Wirth J.* Amsterdam—Philadelphia, 1988. P. 93—124.

- Dryer 1992 — *Dryer M.* The Greenbergian word order correlations // *Language*. 1992, 68. P. 81—38.
- Dryer 2005 — *Dryer M.* Negative morphemes // *The world atlas of language structures* / Ed. *Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B.* Oxford, 2005. P. 454—457.
- Filchenko 2006 — *Filchenko A.* The Eastern Khanty Loc-Agent constructions: Functional discourse-pragmatic perspective // *Demoting the Agent* / Ed. *Solstad T., Lyngfelt B.* Amsterdam—New York, 2006. (= *Linguistik aktuell*. 2006, 96.) P. 47—83.
- Filchenko 2007 — *Filchenko A.* Aspects of the grammar of Eastern Khanty. Tomsk, 2007.
- Givon 2001 — *Givon T.* *Syntax: An Introduction*. Vol. 1—2. Amsterdam—Philadelphia, 2001.
- Glossing rules — Leipzig Glossing Rules / *Comrie B., Haspelmath M., Bickel B.* // <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>, 2012.
- Gulya 1966 — *Gulya J.* Eastern ostyak chrestomathy. Bloomington, 1966.
- Gusev forthc. — *Gusev V.* Negation in Nganasan // *Negation in Uralic Languages* / Ed. *Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B.* Amsterdam—New York, 2014 (в печати).
- Hajdú 1968 — *Hajdú P.* Chrestomathia Samojedica. Budapest, 1968.
- Hajdú 1970 — *Hajdú P.* Zur Syntax der negativen Verbalformen im Samojedischen // *Symposium über Syntax der uralischen Sprachen* / Ed. *Schlachter W.* Göttingen, 1970. S. 90—106.
- Haspelmath 1997 — *Haspelmath M.* Indefinite pronouns. (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory.) Oxford, 1997.
- Helimski 1998 — *Helimski E.* Selkup // *The Uralic Languages* / Ed. *Abondolo D.* London, 1998. P. 480—515.
- Honti 1984 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1984.
- Honti 1997 — *Honti L.* Die Negation im Uralischen. I—III // *Linguistica Uralica*. 1997, 33. S. 81—96, 161—176, 241—252.
- Jackendoff 1972 — *Jackendoff R.* *Semantic Interpretation in Generative Grammar*. Cambridge, 1972.
- Jespersen 1917 — *Jespersen O.* *Negation in English and other languages*. Munksgaard in Komm—København, 1917.
- Kahrel 1996 — *Kahrel P.* Aspects of Negation. PhD thesis. Amsterdam, 1996.
- Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* *Information Structure and Sentence Form*. Cambridge, 1994.
- Li et al. 1976 — Subject and Topic / Ed. *Li Ch.* New York, 1976.
- Miestamo 2005 — *Miestamo M.* Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective (= *Empirical Approaches to Language Typology*, 31.) Berlin, 2005.
- Miestamo 2009 — *Miestamo M.* Negation // *Grammar, Meaning and Pragmatics* / Ed. *Brisard F., Östman J.-O., Verschueren J.* Helsinki, 2009. P. 208—229.
- Miestamo et al. 2011 — *Miestamo M., Wagner-Nagy B., Tamm A.* Uralic Negation: Questionnaire. 2011 (manuscript).
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak. München—Newcastle, 1999.
- Payne 1985 — *Payne J. R.* Negation // *Language Typology and Syntactic Description* / Ed. *Shopen T.* Cambridge, 1985. P. 197—242.
- Selkirk 1984 — *Selkirk E.* *Phonology and Syntax: The Relation between Sound and Structure*. Cambridge, 1984.
- Van Valin, LaPolla 1997 — *Van Valin R., LaPolla R. J.* *Syntax: Structure, Meaning, and Function*. Cambridge, 1997.
- Veselinova 2006 — *Veselinova L.* Toward a typology of negation in non-verbal and existential sentences // *The 80th Annual Meeting of the Linguistic Society of America* (January 5—8, 2006, University of New Mexico) // www.ling.su.se/staff/ljuba/Non-verbalNegation01.pdf, 2006.
- Wagner-Nagy 2011 — *Wagner-Nagy B.* On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages // *Soumalis-ugrilaisen Seuran toimituksia* (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*), 262. Helsinki, 2011. P. 336.
- WALS 2011 — *The World Atlas of Language Structures* / Ed. *Dryer M. S., Haspelmath M.* // *The World Atlas of Language Structures Online*. Max Planck Digital Library, 2011. (<http://wals.info>, 2011.)

РЕЗЮМЕ

Основной целью статьи является синхронное описание морфосинтаксических, просодических, семантических, прагматических и социолингвистических свойств отрицания в грамматических системах двух уральских языков Западной Сибири — восточнохантыйских и южноселькупских диалектах. Данные идиомы находятся в отдаленном генетическом родстве и характеризуются продолжительным лингвокультурным контактом в среднем течении Оби в пределах Томской области. На базе имеющегося корпуса проведен анализ данных в локальной и типологической перспективе, с предпосылками для последующего ареального (обско-енисейского) и генетического (уральского) контекста. В общетипологическом плане обе рассматриваемые системы демонстрируют синтаксическую стратегию отрицания с последовательной морфосинтаксической симметрией в соответствии с доминирующим базовым порядком слов SOV. Однако отмечаются также частные случаи асимметрии в бытийных конструкциях и конструкциях с неопределенными / отрицательными проформами.

SUMMARY

The paper reviews the morphosyntactic, prosodic, semantic, pragmatic and sociolinguistic features of negation in two endangered indigenous Uralic languages of Western Siberia: Eastern Khanty and Southern Selkup. These languages have remote genetic affiliation falling respectively within the Finno-Ugric and the Samoyedic branches of the Uralic language family. At the same time they are characterized by the extended cultural and linguistic contact in the area of the middle Ob river in Tomsk region. Based on the available corpus the data is analyzed in the general typological context, with a prospect for local areal Siberian and genetic Uralic perspective. From the typological standpoint Eastern Khanty and Southern Selkup syntactic negation strategies demonstrate consistent overall symmetry in accordance with the dominant SOV word order tendencies. However, there are special cases of asymmetric strategies associated with existential negation and negation with indefinite / negative proforms.

Ключевые слова: типология, отрицание, селькупский язык, хантыйский язык, асимметрия, Западная Сибирь

Keywords: typology, negation, Selkup, Khanty, asymmetry, Western Siberia